

Александр Машошин

ЗОДИАКАЛЬНЫЙ СВЕТ

ЗВЕЗДНЫЕ
ПОСРЕДИНЕ
НОЧИ
ВОЙНЫ

Л Е Г Е Н Д Ы

Посредине ночи

Александр Машошин

Зодиакальный свет

«Издательские решения»

2015

Машошин А. В.

Зодиакальный свет / А. В. Машошин — «Издательские решения», 2015 — (Посредине ночи)

Давным-давно, в Галактике далеко отсюда... Галактическая Империя берёт под контроль всё новые регионы Внешнего Кольца. Свободные ещё недавно планеты наводняются войсками в белой броне, а имперские губернаторы железной рукой насаждают законы Нового Порядка. Несогласным оставлено три выхода: смириться, умереть или бежать. Герои выбирают третий вариант. Уйти вглубь Неизвестных Территорий, строить там базу, давая приют всем тем, кому Новый Порядок не даёт нормально жить. Ждёт ли их затею успех?

© Машошин А. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Часть первая. Среди летучих камней	6
1	6
2	16
3	27
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Зодиакальный свет
Посредине ночи. Книга вторая
Александр Валерьевич Машошин

© Александр Валерьевич Машошин, 2015

© Анна Куликова, дизайн обложки, 2015

Редактор Сергей Когин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая. Среди летучих камней

*А я стою в сиянии зарниц,
А я всё жду – сказочный принц.
Те паруса, как дивный сон...
Я жду тебя, слышишь, Ассоль?*

Александр Минаев

1

В ранней юности я, как и многие в те времена, мечтал стать космонавтом. Насмотревшись кино, мы с мальчишками во дворе и играли, в основном, в космическую фантастику. «Кораблём» нам служила старая подгнившая деревянная беседка, в которой выпавшие штакетины ограждения образовывали «люки», перила – «пульта», а ведущая к беседке каменная дорожка становилась то трапом, то взлётной полосой капсул и челноков. Преимущественно «корабль» именовался «Байкалом», так как пробки именно от этого напитка служили нам кнопками на «пультах», а сине-красные PEPSI использовались в тех случаях, когда беседка перевоплощалась в захваченный звездолёт враждебной западной цивилизации. «Солярис», «Отроки во Вселенной», «Дознание пилота Пиркса», «Петля Ориона», «Через тернии к звёздам» – всё это были наши любимые, боготворимые фильмы. Тогда мы были наивны, как и наши родители. Слово «бригада» ассоциировалось с заводом или стройкой, «бабки» – со старушками на скамеечке. Да и «голубой» тогда было обычным нормальным словом. Шло время, о космосе все как-то незаметно забыли, появились другие, более насущные задачи: у одних срубить бабла и оттянуться, у других не вылететь с работы и дотянуть до получки. На экранах появлялась новая, западная фантастика: «Стартрек», «Чужой», «Вавилон-5», это было интересно, конечно, но так далеко от повседневной жизни! Меня и моих однокурсников угораздило защитить дипломы как раз накануне большого «хрясь», и жизнь быстро раскидала нас по разным экологическим нишам. Кто-то, как и я, работал, кто-то «приподнялся», потом прогорел. Кто-то «устроился» – стал мелким чиновником или «менеджером» в офисе непонятно чего. Впрочем, через несколько лет кое с кем из ребят я снова стал видеться. Собирались раз или два в месяц попить пивка, порассуждать о жизненных коллизиях, иногда о политике. Оказался в нашей возрождённой компании и один богатенький, его теперь принято было звать Диман. Он часто жаловался, что в среде его новых коллег по бизнесу «ну, реально не с кем пообщаться», настолько все «заморожены на бабках и тёлках». Именно Диман однажды и предложил всем остальным съездить на машинах в путешествие, куда-нибудь не очень далеко, но и не близко, по тихим спокойным местам, где природа, где нет суеты и толкотни большого города. Уговорил и Вовку, который с «менеджерской» зарплаты собирался в Турцию со своей Людмилой, и меня, хотя я вообще никуда не собирался.

Космос напомнил о себе совершенно неожиданно и очень осязаемо, когда однажды утром, отойдя в тумане от импровизированного походного лагеря, я... оказался на неизвестной планете за пёс знает сколько световых лет от Земли. И здесь мне в полном смысле слова фантастически повезло. Ещё будучи в шоке от произошедшего, не успев даже толком испугаться и заподозрить, что планета-то, на самом деле, необитаемая, я повстречал космическую путешественницу – решительную молодую женщину со странным кожистым украшением на голове, заменяющим причёску. Если бы тогда она не увезла меня с собой, неизвестно, какой травой заросли бы сейчас мои кости. Девушка, носившая вполне осмысленное на мой русский слух имя Осока, пообещала доставить меня домой, когда найдём, где этот дом находится. Своё обе-

щение она сдержала, несмотря на то, что искать пришлось почти девять месяцев и добывать для полёта специальный корабль. Попутно мы с ней несколько раз попадали в различные истории из серии «война и немцы, и партизанский отряд в придачу».

А, возвратившись на Землю, я снова попал. К следователю в кабинет. Оказывается, ребята, с которыми я уехал, тоже не вернулись домой. И богатый папа Димана поставил на уши всю милицию и прокуратуру. Следователя интересовало, не я ли убил шесть человек, и куда дел тела. Вопросов, где я шлялся столько времени, не возникало, поскольку на Земле каким-то непостижимым образом прошло всего-то около сорока дней вместо двухсот шестидесяти. Я держался своей версии – на привале отошёл напиться, вернулся, и никого не застал, ни людей, ни машин. Бросили меня, уехали. А потом мимо проезжала девица на мотоцикле, она меня и подвезла. В каком месте это было? Да вот тут – и показывал на карте место нашего последнего привала. То же самое говорил я и при исследовании на полиграфе. Уточнять, не был ли мотоцикл летающим, а девица инопланетянкой, никто, к счастью, не стал, и от меня отвязался. Тел ведь не нашли, машин тоже, и предъявить мне, по сути, было нечего.

С работы меня, впрочем, уволили совершенно независимо от следственных действий, я ведь опоздал из отпуска на целую неделю. И теперь приходилось перебиваться случайными заказами: гонять вирусы в чужих офисах, настраивать компы. Какие-то деньги это приносило, по крайней мере, родители не ворчали, что я сижу на их шее. Неожиданно объявилась моя бывшая девушка, которая бросила меня незадолго до той поездки. И очень удивилась, узнав, что я не просто не страдаю от расставания, а утратил всякий интерес к такой замечательной во всех отношениях кандидатуре, какой она себя считала.

– Инопланетная красавица пронзила сердце навывлет? – не удержался от комментария папа, слышавший наш телефонный разговор. Они с мамой, кажется, не очень верили в то, что я им рассказал, хотя были единственными, кто узнал правду.

– Может быть, и пронзила, – сказал я в ответ. – А даже если нет, Наташка – тоже не вариант. То, видите ли, я ей не подходил. То теперь опять подхожу. Тоже мне, ветреная переменчивость! Пусть лучше поищет того, в ком сомневаться не будет.

– Сынок, а ты уверен, что твоя инопланетянка когда-нибудь о тебе вспомнит? – спросила мама. – Всё-таки, совершенно другая жизнь, другой мир.

Я не был уверен, тем не менее, решительно кивнул:

– Да. Она обещала, а своих обещаний она не нарушает.

Однажды, придя с очередной халтуры, я сидел на кухне и плотно занимался только что сделанными бутербродами. Вирус у заказчика попался пакостный, пришлось вручную подчищать каждую машину, а эти жмоты даже питья горячего не предложили. Ладно, мы не гордые, дома в кране вода есть, и газ пока имеется. Вдруг раздался звонок в дверь. Наверное, мама опять засунула ключи в самый низ сумки, а сверху продукты положила, решил я и пошёл открывать. На пороге стояла... лукаво улыбающаяся Осока. Голова её была обмотана в несколько слоёв полупрозрачной голубой тканью, образующей нечто вроде тюрбана, под которым кожистые рожки девушки были не видны. Спускающиеся с висков хвосты-лехки обвивали ленты из того же материала, а снизу моя подруга прицепила похожие на волосы кисточки, так что лехки стали точь-в-точь как затейливо украшенные косы. Ещё один кусок ткани девушка закрепила на бёдрах наподобие саронга. В сочетании с кожаной курткой, напоминающей земную «косуху», и памятными ботинками «милитари плюс каблук» наряд получился весьма экзотический. По достоинству оценил я и лиловую кофточку с глубоким вырезом: так посторонний взгляд если и задержится на головном уборе, то ненадолго.

– Здравствуй, Алекс, я прилетела, – сказала Осока. – Ну, ну, может, я сначала войду, а потом будем обниматься?

Впрочем, руки с моих плеч она убирать не спешила. Тогда я просто приподнял её и, развернувшись, переставил через порог, в прихожую. Не глядя, захлопнул дверь и наконец-то получил долгожданный поцелуй.

– Надеюсь, у вас там не полгода прошло? – спросил я, переводя дыхание.

– Нет, ровно тридцать пять дней. Сегодня тридцать пятый, – поправилась девушка.

– Вот и хорошо.

– У тебя дома как, гостям разуваться обязательно? – спросила Осока.

– Нет. Мы же не в Японии.

Кивнув, она бросила перед собой на пол полоску поглощающего материала и по очереди наступила на него одной и другой ногой, очищая подошвы. У космических путешественников эта привычка буквально въелась в кровь: мало ли какую пакость можно подцепить на обувь на чужих планетах. Я галантно помог ей снять куртку, сказал:

– Проходи.

– Вот, значит, как вы живёте... – задумчиво произнесла она, изучая нашу квартиру. – А у нас такое редкость, обычно либо клетушка вся вот с эту комнату, либо, как ты говорил, хоромы, да?

– Да, хоромы. Ну, вот в моей стране это среднестатистическая «небольшая квартира». Ещё говорят «двушка», по числу комнат.

– Разве их не три? А, там отдельная кухня! И ванна?

– У вас не так?

– Нет, ванны ставят в апартаментах от ста метров. А кухня отдельная вообще только там, где рассчитано на прислугу. В квартирах вот так в стене ниша и в ней плита. На более богатых планетах ставят автоповар, как на корабле.

– Ясно. Послушай, а как ты меня нашла?? – спохватился я. – Опять твоя пресловутая Сила?

– Моя недевичья память, – ответила она. – Забыл? Ты показывал мне, как выглядят у вас документы. А в паспорте у тебя печать, в неё вписан адрес.

– Точно. Прописка. То есть, я так предполагаю, ты поймала машину и заставила несчастного водителя бесплатно тебя отвезти.

– Почему же несчастного? – возразила девушка. – Он счастливый. Сейчас, должно быть, рассказывает всем и каждому, как вёз свою любимую эстрадную певицу.

– Ну, подруга! В любом случае, я рад, что ты добралась без приключений. Сейчас буду тебя с родителями знакомить.

– Где они, кстати?

– Вот-вот должны с работы прийти.

– Ты как бреганцы, честное слово! – Осока чувствительно пихнула меня ладонью в плечо. – У тех тоже всё «чуть-чуть» и «вот-вот». Как скоро?

– Минут через пятнадцать, – сказал я, взглянув на часы.

– И молчит! Мне же надо умыться и привести себя в порядок!

Она размотала ленты на лекках, затем «тюрбан», составлявший, как выяснилось, с ними одно целое. Сняла саронг. То, что я принял на ней за кофточку, было верхней частью платья-рубашки средней длины, эластичного и не слишком тесного. В талии его перехватывал хорошо мне знакомый двойной ремень с вышитой лентой, свисающей с пряжки впереди. Подтянув рукава выше локтей, Осока с нескрываемым удовольствием умылась, достала из ридикуля баночку с краской для лица и кисть.

– Может быть, сейчас не стоит рисовать твои узоры? – усомнился я.

– Обязательно стоит, – возразила Осока. – Всё время без них я ходить не смогу, пусть лучше сразу увидят. Думаешь, вызовет отторжение?

– Надеюсь, что нет. Они у меня интеллигентные, знают, что у других народов обычаи могут сильно отличаться от наших.

Осока успела закончить «боевую раскраску» до того момента, как пришли мои родители. И услышала их первой.

– Лифт, – сказала она, многозначительно подняв палец. – И... думаю, это они.

– Так идём встречать!

Осока отрицательно покачала головой:

– Позовёшь. Пусть хотя бы снимут верхнюю одежду.

Это, действительно, оказались они. Не успел я дойти до двери, как щёлкнул замок.

– Мы сегодня вместе, – с порога улыбнулась мама.

– Это просто замечательно! – я взял у мамы пальто, подождал, пока снимет куртку папа, и оба переобуются, а потом торжественно сказал: – Мам, пап, хочу вас познакомить...

Осока, конечно, великолепно слышавшая наши разговоры, вышла в прихожую и скромно остановилась у двери. Поза – ну, чисто японская школьница, впервые представшая перед новыми одноклассниками. Родители в некотором замешательстве смотрели на стоящее перед ними инопланетное чудо с полосатыми рожками. А инопланетное чудо, скромно потупившись, выдержало паузу, затем подняло на них свои дымчатые серо-голубые глаза, смущённо улыбнулось и произнесло:

– Здравсте.

Где и когда она успела подслушать эту детскую форму приветствия, оставалось только гадать. Но прозвучало оно именно так, как нужно. А уж когда, без малейшего акцента, она продолжила, что зовут её Осока, фамилия Тано, раса называется «тогрута», родом она с планеты Шили, что по другую сторону галактического ядра, и, может быть, Алекс о ней немного рассказывал, даже я ощутил, как спадает напряжение. Первой шагнула вперёд мама:

– Конечно, рассказывал! И говорил, что Вы обязательно прилетите.

– А как же, мы ведь договорились, – кивнула Осока.

– Ой, да что же мы стоим в прихожей! – всплеснула руками мама. – Сейчас что-нибудь быстренько приготовлю, и будем ужинать.

– Я помогу, – мгновенно сориентировалась Осока. И добавила с лёгким вздохом: – Нас, правда, в Храме готовить особенно не учили, мы больше науки изучали и тренировались.

– Да, сын говорил, что Вы мастер боевых искусств, – вступил в разговор папа.

– Не только боевых. Наши умения можно применять по-разному, не только в драке, – деликатно ответила Осока.

При этих словах мне стоило огромных усилий, чтобы не хмыкнуть саркастически. Ну, точно, школьница из аниме, такая нежная, хрупкая и утончённая, как цветок сакуры. А ночью этот цветок берёт дрын и отправляется искоренять нечисть на улицах Токио. Или мир спасти во имя Луны, смотря по сюжету. Живо вспомнилась «философская беседа» в кантине «Пьяный банта» на Орд Мантелле, закончившаяся изрядным разгромом и травмами средней тяжести у несогласных с Осокиным мнением. Правда, там и тема диспута была серьёзная. Мерзавцу, осмелившемуся утверждать, что любая женщина продажна по сути своей, и я бы врезал, хотя я человек в целом мирный.

Продолжая мило болтать с моими родителями, Осока быстро и весьма ловко нарезала овощи в салат. Посмотрев немного, как мама перемешивает гарнир на сковороде, взяла у неё деревянную ложку и занялась этим сама.

– Достаточно, достаточно, – остудила мама её рвение. – Снимайте с плиты и садитесь за стол.

К нашей пище Осока отнеслась без большой опаски, теперь-то было известно, что метаболизм у нас практически одинаков. Ела мясо, овощи, яблоко... Только грушу сперва опасливо понюхала и заметила:

– Сильный ароматический компонент.
– По-моему, чеснок пахнет сильнее, – сказал я.
– Да? Может быть, я чувствительна именно к этому веществу? Много не буду, только попробую.

В ходе ужина было благополучно забыто обращение на «Вы», а ближе к вечеру стало очевидно, что миссия «понравиться родителям» Осокой выполнена и перевыполнена.

– Осока, твой космический корабль, наверное, далеко отсюда? – с подходом начала мама.

– На высокой орбите, – ответила Осока. – Я хотела вызвать его, когда выйду от вас. На Троекуровском шоссе, возле железной дороги, есть заброшенная стройка, там очень удобно приземляться.

– В этот район на ночь глядя ни один таксист не повезёт, – заметил папа. – И вообще. Там гуляют такие компашки, с которыми лучше не связываться.

– Вы не волнуйтесь, я прекрасно могу за себя постоять, – заулыбалась Осока, – вот, Алекс не даст соврать.

– Я не имел в виду, что ты от них не отобьёшься, – сказал папа. – Боевые искусства штука эффективная. Но, представь: поползут слухи о необычной девушке, которая дерётся, как Брюс Ли. К чему привлекать лишнее внимание?

– Действительно, – поддержала мама. – Оставайся лучше у нас. Место есть...

Столь благоприятное начинание следовало поддержать, к тому же, подруга смотрела на меня, явно ожидая моего мнения.

– Давай, давай, – сказал я, – звони Падме, чтобы не волновалась, и оставайся.

– Да, Падме и маму следует предупредить, – кивнула Осока. Я чуть со стула не сполз:

– Маму?? Она здесь?

– Уговорила отвезти её сюда на месяц-другой, – развела руками Осока. – Она же историк, как ей откажешь? Мы привезли небольшой жилой модуль, подвесим на орбите, и она поработает тут, ты не против?

– Нисколько, пусть изучает, что ей интересно.

– Твоя мама тоже знает земные языки? – поинтересовался папа.

– Ну, наш основной довольно похож на один из ваших, на английский. Разберётся. По-русски она почти всё уже понимает и говорит немного.

– У меня такое впечатление, – сказал мне папа, – что ты там только и занимался обучением русскому языку местных жителей.

– Не поверишь, они как-то сами научились, – пожал плечами я.

– Чистая правда, – подтвердила Осока. – У нас и на русский есть похожий язык. Так получилось, что мы с мамой обе его изучали. И обе – в школе. Мама больше забыла, поэтому ей теперь сложнее. А сестре проще, она учится в университете на планете, где на этом языке говорят.

– Ну и ну, – усмехнулся папа.

Выложив на стол портативный голопроектор комлинка, Осока вызвала на связь корабль. Над линзой возникла миниатюрная фигурка её матери.

– Мама, как у вас дела? – спросила Осока.

– Всё хорошо, – тоже по-русски сказала Ирис Тано. – Падме настроила телескопы, разглядываем планету. А у тебя?

– Превосходно. Я переночую здесь внизу, у Алекса, а завтра увидимся.

– Поняла, доброй ночи.

Чтобы с комфортом разместить Осоку, я был временно выселен из своей комнаты к маме с папой. Она попыталась было возражать, мол, это лишнее, а я сделал ей знак: не надо, не спорь. О том, что всю прошлую одиссею мы с ней спали в одном помещении, я родителям не говорил, как-то к слову не пришлось.

– Хорошо, что завтра суббота, – сказала мама.
– То есть, выходной? – уточнила Осока.
– Ну, да, можно рано не вставать.
– Очень хорошо! – обрадовалась девушка. – Тогда я вас и с мамой своей познакомлю, и корабль вам покажем.

Уже уложив гостью и укладываясь спать сама, мама вынесла свой вердикт:

– Славная девочка. Неглупая. И скромная.
– В общем, одобряешь? – улыбнулся я в темноте.
– Спи, жених, – беззлобно проворчала мама.

Утром за завтраком я решил обсудить планы на предстоящий «отпуск». Увы. Только я сказал, что времени у нас предостаточно, Осока грустно вздохнула.

– Вообще-то, не так и много, – сказала она. – Не хотела вчера тебя расстраивать, но я прилетела всего на несколько дней. Главная база опять под угрозой.

– Снова этот Фортиг? – спросил я. – Всё неймётся?

– Ну, да. И уже не один, а с двумя приятелями. Судя по донесениям, они его и подзуживают. Сам бы он, думаю, не сунулся.

– Что думаете делать?

– Уже надумали. Я уговорила Чучи эвакуировать базу. Жить в состоянии перманентного конфликта – не дело.

– А шахты?

– И шахты тоже вывезем. Помнишь предпоследнюю систему перед Альфой Центавра?

– Это где два астероидных пояса один толще другого?

– Именно. Астероиды там гораздо богаче. Мы позавчера высадились на один крупный. И, смотрите, что мама там нашла... – она высыпала на стол очень знакомые по детективам и историческим фильмам камешки в виде застывших буровато-жёлтых потёков.

– Самородное золото? – предположил папа прежде, чем я успел открыть рот.

– Да! – воскликнула Осока. – Это мы откололи от жилы, по оценке сканеров там несколько сот килограммов. А вокруг приличный пласт теллурида золота.

– Калаверит, – сказал я. Название этой и нескольких других руд я помнил из институтского курса полупроводников.

– А ещё нашли цинк, кобальт, литий, – продолжала моя подруга. – Владельцы шахт будут в восторге. Четырёх шахт, естественно, господ примкнувших перевезём в другую какую-нибудь систему, в обжитых секторах.

– Везти продукцию отсюда не дороговато обойдётся? – спросил папа.

– Вовсе нет. Энергоноситель у нас будет свой. Мы недавно добыли опытную установку по перегонке, совершенно новая технология, на солнечной энергии. Ребята изучили, сейчас вторую такую же собирают.

– Тогда совсем другое дело, – согласился я.

– Вот, а когда переедем на новое место, тогда и отпуск устроим. А пока, чтобы ты тут не скучал, я тебе Падме оставлю. Она мне все уши прожужжала, что ты здесь застрял без средств передвижения.

– Секунду. На чём же тогда ты полетишь? Разве есть другой корабль?

– Ты не понял. Смотри. Вы меня отвозите на место новой базы. Туда приходит транспорт со строителями, и дальше я лечу на нём.

– Ясно. И как скоро тебе нужно быть там?

– Трое суток на сборы, четверо в пути, итого ваша земная неделя.

– Что-то я не пойму, кто такая эта Падме? – спросил папа. – Ваш пилот?

– Она, ну, если можно так выразиться, дух Осокиного корабля, – сказал я.

– **Нашего** с тобой корабля, – поправила Осока. – Ты принял активнейшее участие в её спасении. Понимаете, – снова обратилась она к моим родителям, – здесь всё так непросто...

И поведала им трагическую историю о талантливом ученике рыцаря, который влюбился в юную королеву. Со временем и королева полюбила его. Но ученик, став взрослым, не устоял перед жадой славы и власти и в один ужасный день потерял рассудок, превратился в исчадие зла. Узнав об этом, королева умерла от горя. Да только новоявленный Тёмный Лорд не дал ей покоя и после смерти. С помощью какого-то загадочного ритуала он вселил частицу её сознания в компьютер своей новой космической яхты. То ли что-то получилось не так, как он хотел, то ли бледная тень покойной жены ему наскучила, только вскоре корабль остался ржаветь на заброшенной базе, как ненужная игрушка. А десять лет спустя явились мы в поисках хоть чего-нибудь, что способно без дозаправки вести длительный поиск в неосвоенных районах Галактики... Осока ещё раз подчеркнула, что это я уговорил забрать корабль.

– Сама бы я не решилась, – закончила она. – Общаться с ней мёртвой первое время было просто невыносимо.

– Ты её знала при жизни? – догадалась мама. Осока кивнула:

– Очень хорошо знала. Ведь тот человек... он был моим наставником. Хорошо, что не единственным, иначе, как знать, может, и я последовала бы за ним туда.

– Ты же говорила... – начал я.

– Алекс, ты немного не понял, – перебила Осока. – Всё, возможно, случилось бы ещё там, на Мортисе, не будь с нами Кеноби. Вот о чём я сейчас говорю.

– Что не случилось, то не случилось, – мягко сказала мама, – и слава богу.

На заброшенную стройку, послужившую нам импровизированным космодромом, поехали на отцовских «Жигулях». Гастарбайтеров здесь уже не было, дачно-строительный сезон закончился, и выломанные из развалин кирпичи, видимо, плохо расходились. Я подумал, что и нам, возможно, скоро придётся искать другое место: с одного из углов площадка загоразивалась только деревьями, листья с них сильно облетели, портя всю маскировку. Родители с интересом разглядывали серо-серебристый гранёный сорокапятиметровый корпус звездолёта, широкий в корме и сужающийся к носу, короткие крылышки со сложенными веерами ионизаторных панелей, грозные даже на вид стволы пушечных спарок.

– Больше напоминает не яхту, а военный корабль, – сказал папа.

– У нас часто это одно и то же, – отозвалась Осока. – Оборонительные турели ставят на самые роскошные корабли.

– И на корабле таких размеров можно пересечь всю Галактику? Далеко же у вас продвинулись технологии.

Ирис Тано в бежевом комбинезоне с широкими штанинами навывпуск стояла на середине откинутого трапа.

– Здравствуйте, – сказала она. Посмотрела на мою маму, та – на неё. Через секунду обе разом улыбнулись.

Осока вначале представила моих родителей, затем с лёгкой улыбкой произнесла:

– А мою маму зовут Ирис. Как цветок.

– Одно из потерянных понятий в языке, – добавила Тано-старшая. – У нас таких цветов не сохранилось.

На верхней площадке трапа замерцала и проявилась во всей красе голограмма Падме Амидалы.

– Приветствую вас. Добро пожаловать на борт, – произнесла она. Я вспомнил, как в самом начале знакомства Падме загрузила в себя местное славянское наречие из памяти протокольного дройда. В результате артикуляция голограммы не совпадала с голосом, как в дублированных иностранных фильмах, да и сам голос звучал несколько механически, не то что на родном языке. Конечно, имея абсолютную компьютерную память и живые образцы перед глазами, она

довольно быстро обучилась говорить нормально. Более того, её речевыми матрицами пользовались теперь все дроиды главной базы, какие вообще умели говорить.

– Внутри совсем другое впечатление, – заметил папа. – Лифт, отделка шикарная...

– Большую часть мы оформляли сами, – не удержалась, чтобы не похвастаться, Ирис. – У первого владельца вкус был своеобразный.

– Не было у него никакого вкуса, мам, – фыркнула Осока. – Вообще. Вы только посмотрите, как скомпонована рубка. Проходите.

– Да, тронный зал, – вырвалось у мамы.

– Вообразите, там, на возвышении, стояло огромное чёрное кресло. Вращающееся. В общем, полный аут. Одно хорошо: через этот колпак отличный обзор.

– Не стесняйтесь же, не стойте в дверях! – воскликнула Падме, переносясь из-за наших спин в центр помещения. – Рассаживайтесь. Вас чем-нибудь угостить? Сама я, к сожалению, принести не могу, вызову дроида.

– Нет-нет, не беспокойтесь, – ответила мама.

– Тогда, может быть, полетим куда-нибудь? Алекс, твои родители наверняка ни разу не были в космосе?

– Правда, – сказал я. – Как, мам, пап?

Родители переглянулись... и согласились. Только мама спросила:

– Перегрузок у вас не бывает?

– Нет, – улыбнулась голограмма. – Вот невесомость могу вам показать, только скажите. Сейчас выйдем из атмосферы...

– Наверное, в другой раз, – отказался папа, покосившись на маму. – Скажите, Падме, а ПВО нас не обстреляет?

– Даже не обнаружит. Я один из трёх кораблей в Галактике, которые могут становиться не просто малозаметными, а полностью невидимыми для сенсоров и локаторов, – не без гордости сообщила Падме.

– Засечь можно только ионную струю, – добавил я, – но сейчас у нас её нет, мы идём на плазменных двигателях, прав я, девочки?

– Да, – кивнула Осока.

Разогнавшись до орбитальной скорости, корабль повернулся левым крылом вниз, и полусферу блистера залил радостный голубой отсвет Земли.

– Поднимайтесь сюда, – пригласила родителей Осока, – посмотрите на свою планету со стороны.

И вот они стояли вдвоём у блистера, глядели на величаво поворачивающуюся под ними планету и молчали. Мамины глаза были подёрнуты мечтательной дымкой, папа смотрел внимательно, отыскивая знакомые по картам горы и реки. Я вспомнил, как занимался тем же самым в прошлый раз, впервые подлетая на «Амидале» к Земле. Всё бы ничего, да сильно мешает облачность, закрывающая иногда по полконтинента.

– Что это за яркие точки? – поинтересовался папа, указывая в чёрное пространство над горизонтом.

– Земные искусственные спутники, – объяснила Падме. – Мои сенсоры подсвечивают их на отображающем слое, чтобы вы лучше видели. А вот это – наш жилой модуль.

– Мой экспедиционный лагерь, – сказала Ирис. – Подойди поближе, Падме.

– Как же вы его сюда дотащили? – удивился я, разглядывая десятиметровый параллелепипед со скруглёнными рёбрами. – На внешней подвеске?

– Они разобрали пол на нижней палубе, раскрыли мне днище, – сказала голограмма, – и закрепили модуль. Я с ним еле долетела.

– Зато теперь ты эти створки сама можешь открывать и закрывать, а раньше они только вручную снимались, – заметила Осока.

– Просто замечательно! – съехидничала Падме. – Я счастлива! У меня появился трюм, как у какой-нибудь баржи!

– Разве плохо получить новые возможности?

– Тебе не понять. Не из тебя эта штука торчала всю дорогу.

– Ребята говорят, – сказала Осока, обращаясь ко мне, – что нижний зал изначально задумывался как место для установки платформы с каким-то оборудованием. То ли разведстанции, то ли пусковых установок. Там и направляющие предусмотрены, и питание заведено.

– Вот видишь, какая ты у нас разносторонне одарённая, – покосился я на голограмму. – Выберем время – сделаем из тебя исследовательский корабль и полетим изучать соседние системы. Не возражаешь?

– Всё, что угодно, только не грузовик.

– Но вещи-то на дачу отвезёшь, когда попрошу? – с самым серьёзным видом спросил я.

– Вещи – на дачу? – растерялась Падме. И закончила уже под аккомпанемент общего смеха: – *Ну тебя*, юморист!

Состыковавшись с модулем, она открыла переходной люк, и Ирис пригласила всех в своё временное жилище. Ширина его составляла меньше пяти метров, и этот факт определял планировку. Возле стыковочного узла располагалась «прихожая», в неё выходили двери санузла и освежителя. Дальше по правой стене проходил коридорчик, из которого можно было попасть в дальнюю комнату и в меньшую боковую. Из большой комнаты Ирис организовала лабораторию: трёхмерный экран во всю стену, в центре – тактический стол-планшет, явно позаимствованный с какого-то военного корабля, у перегородки второй стол, рабочий, и какая-то электронная аппаратура.

– Постаралась подготовиться по мере возможности, – сказала Ирис. – Могу слушать и смотреть ваше вещание, системы связи, а вот тут, в шахте, мощный электронный телескоп. Буду записывать, записывать, записывать. Информации море. Я, правда, многое ещё не понимаю...

– А Вы к нам обращайтесь, если что, – радушно предложила мама. – Что знаем, разясним.

– О, благодарю. Осока, выделишь мне комлинк? Это наше устройство связи, – пояснила Ирис специально для моих родителей.

– И выделю, и настрою, – заверила Осока.

– Как жаль, что я отличаюсь от вас и не могу свободно ходить по улицам, – вздохнула Ирис.

– Да, мам, лучше не надо, – сказала Осока. – Внимание обращают, как ни маскируйся.

– Всё же, в гости мы Вас ждём непременно, – моя мама, видимо, давно приняла это решение и отказываться от него не собиралась. – Лучше даже на целые выходные. Посмотрите, как у нас живут. Мальчики Вас привезут и отвезут на машине.

– С удовольствием приму Ваше приглашение!

Осока хотела было свозить моих родителей куда-нибудь ещё, показать, например, соседние планеты – Марс, Венеру. Но они неожиданно отказались.

– Спасибо, Осока, – сказала мама, – не стоит. На первый раз впечатлений достаточно. Видишь ли, в нас с детства живёт стойкое убеждение, что для полёта в космос нужно идеальное здоровье и долгие тренировки...

– При нашем уровне техники так оно и есть на самом деле, – вставил папа. – Вспомнить, с какими трудами и жертвами мы добирались даже до Луны, целая эпопея.

– Да, – мама кивнула. – А тут всё случилось так просто, обыденно. К этому надо привыкнуть.

– Как скажете, – не стала уговаривать моя подруга. – В самом деле, к чему торопиться? Корабль у вас теперь под рукой, можно полететь в любое время.

В вечерних сумерках «Амидала» приземлилась всё на той же заброшенной стройке. Осока решила не подвергать испытанию чувство гостеприимства моих родителей и на предложение снова поехать к нам вежливо отказалась, сказала, что переночует на корабле. Домой мы везли настроенный комлинк и миниатюрный голопроектор, второй комлинк Осока сунула мне в карман.

– Зачем ещё-то? – удивился я.

– Чтобы твой корабль не беспокоился и знал, что она всегда может тебя вызвать. Или ты её. Кстати. Устраивать космодром на этом пустыре вовсе не обязательно. У твоего дома плоская крыша...

– Да, только вряд ли она выдержит вес корабля, – усомнился я.

– А не надо садиться. Падме может зависнуть над ней и положить трап на надстройку, что у вас сделана над подъездом. Завтра, как проснёшься, вызывай, мы за тобой прилетим.

– Хорошо. До завтра.

2

Следующие четыре дня мы с Осокой отдыхали на полную катушку. Нашли необитаемый атолл в Тихом океане, посадили «Амидалу» прямо на воду в центре лагуны и накрыли её маскировочным полотном. Валялись под пальмами, купались, ныряли, знакомились с местным рыбьим населением, никого не ловили, а просто наблюдали. Подруга научила меня пользоваться корабельными дыхательными аппаратами с неонов-кислородной смесью. С ними можно было спокойно погружаться до двухсот метров. Правда, декомпрессия при всплытии требовалась всё равно: неон хоть и меньше растворяется в крови, чем азот, кессонную болезнь тоже может вызвать. После заката, когда на атолл падала непроницаемая южная ночь, мы перебирались в корабль. Мягкие кровати в каютах основной палубы были такими же, как на фрегате «Хелси» – не чета лежанкам в рубке «Горгульи», предыдущего Осокиного корабля. Спать на них было одно удовольствие. Собственно, больше ни для чего они нам и не понадобились. Когда в первый вечер я, обрадовавшись, что наконец-то мы наедине после долгой разлуки, попытался перейти к более активным действиям, Осока нежно, но решительно перехватила мои руки.

– Алекс... – тихо сказала она, глядя на меня в упор бездонными серыми с синевой глазами. – Я понимаю твои желания. Но... Потерпи ещё капельку. Я пока не готова. Не обижайся. Смотри, как чудесно у нас всё получается, почти как в романах. Познакомились, дружили, теперь начинаются серьёзные отношения. Пусть они и идут так, без спешки.

– Да, будем жить в разных каютах... – почти в тон ей, но не без толики горькой иронии, подхватил я.

– Я не сказала, что нужно доводить до абсурда, – качнула рогатой головой Осока. – Всё-таки, обиделся?

– На секунду, – искренне ответил я. – Теперь уже нет.

В самом деле, обижаться, когда на тебя так преданно, так умоляюще смотрят, было бы просто кощунством.

– Вот и славно, – она нежно коснулась своими губами моих, и на несколько минут нам стало не до разговоров. Удивительное дело, но поцелуи не распалили меня ещё больше, напротив, успокоили.

– Опять твои джедайские штучки? – подозрительно сказал я, откидываясь на ложе.

– Эноо? Что? – ответом мне был самый невинный взгляд. – Нам надо было сбросить напряжение, мы его сбросили, что не так? Двинься...

Ширины лежанки хватало, чтобы почти нормально улечься вдвоём, и подруга, заставив меня отодвинуться к стене, устроилась рядом так, что голова её оказалась на подушке поверх моего локтя. И перевела разговор на другую тему. Стала рассказывать о Дзигало, планете, на которую летала, чтобы добыть тот самый «самогонный аппарат» для энергоносителя. О стратосферных вихрях и грозах, об электрическом тумане, крайне негативно реагирующем на ионные двигатели.

– Этот имперский лейтенант, которого мы наняли, оказался исключительно талантливым пилотом, – говорила она. – Так пройти между туманом и верхушками деревьев! Темень, сенсоры показывают хатт знает что, а он летит, как по-зрячему. Если бы не он, пришлось бы мне двадцать километров нести маяк на себе.

– Разве у вас не существует таких маяков, которые можно просто сбросить? – спросил я. – На парашюте или на репульсорах.

– Существуют. На стандартный диапазон. Но этот туман короткие волны не пропускает. А у длинноволновых маяков здоровая антенна, под неё надо мачты ставить.

– Тогда спасательная капсула и парочка дройдов. Они заодно и разведку бы провели, предварительную.

– А вот это я не догадалась. Жаль, тебя с нами не было.

Утром пятого дня я решил показать Осоке другие климатические зоны Земли. И повёз её в тайгу. Здесь уже начиналась зима, лежал снег, тем не менее, температуры оставались пока довольно мягкими, не то, что в настоящие зимние месяцы. Огромные сорокаметровые кедры произвели на подругу неизгладимое впечатление. Она-то искренне полагала, что такие гигантские деревья могут вырастать лишь в тропических лесах.

– На холодных планетах я ничего подобного не видела, – восхищённо говорила она.

– Вообще-то, летом в этих краях бывает довольно тепло, – заметил я.

– Должно быть, в этом и дело.

Всё-таки, космический корабль с гравитационной «подвеской», да ещё и маскировочной системой – штука исключительно удобная. Не нужно пробираться куда-то по оврагам и бугоркам, топтать по колено в снегу, прятаться, чтобы напуганная появлением человека таёжная живность вышла из укрытий. «Амидала» почти беззвучно висела чуть ниже верхушек кедров, а мы, стоя в открытом люке стыковочного узла, наблюдали за жизнью таёжного леса. Одна из местных белок, задумав перепрыгнуть с одной исполинской сосны на другую, ударилась о маскировочное поле крыла, соскользнула, словно с ледяной горки, и, стабилизировав ориентацию хвостом, благополучно опустилась на ветку значительно ниже нас. Прострекотала что-то бранное и отправилась дальше по своим делам. Смеялись и мы с Осокой, и Падме, ненадолго приведя в замешательство птиц, бурундуков и белок.

– Смотри. Вот это соболю. У него самый лучший мех на планете, – тихо сказал я, указывая подруге в крону одного из деревьев.

– Красавец. Слушай, у меня такое чувство, что он нас... видит! Взгляд направлен прямо на меня.

– Ну, может, он как-то по-другому чувствует наше присутствие? – предположил я.

– У животных, особенно хищных, бывают удивительные способности, о которых мы, разумные, даже не догадываемся, – улыбнулась она. – А раскрывается всё, как правило, чисто случайно.

Ещё через полтора часа мы были в совсем другом лесу, индийских тропических джунглях. Я попросил Падме прощупать поверхность из верхних слоёв атмосферы на предмет заросших древних развалин. В Индии много известных мёртвых городов, но мне они не подходили по одной простой причине: расчищенные и приведённые в порядок властями, они с раннего утра и до позднего вечера кишат туристами. Разумеется, можно было подлететь к ним в режиме маскировки, только разве сравнится это с нетронутыми руинами, погребёнными среди джунглей, как в историях Киплинга? Меняя диапазоны сканеров, мы отыскивали несколько мест, где под пологом леса проступали остатки каменных сооружений, возведённых руками человека.

– К какому летим? – спросила Падме. «Амидала» в этот момент висела, вернее, медленно падала на высоте около ста километров, проходя верхнюю точку параболической траектории. Я указал на речную долину в предгорьях Гималаев – кажется, это был приток Ганга, пограничная река между Индией и Непалом:

– Вот сюда. Тут, кажется, сохранилось больше строений.

Одного я не учёл: в тропическом дождевом лесу совершенно нет места для приземления. Опустить трап на развалины тоже оказалось невозможно, окружающие деревья были значительно выше. Неужели придётся отказаться от задуманного и смотреть лишь с воздуха? Однако, Осока никаких трудностей не видела.

– Интересное место, – с энтузиазмом сказала она. – Пойдём, поглядим.

– Голокамеру надень, – попросила Падме. – Я тоже хочу посмотреть.

Из кладовой на нижней палубе Осока вытащила некий механизм, разложила угловатые фартуки, сиденье, руль, стабилизаторы, и получился миниатюрный спидербайк, разновидность летающего мотоцикла. Не такой скоростной, как был у моей подруги на «Горгулье», но полноценный, двухместный. На нём мы и спланировали вниз с высоты десятиэтажного дома на маленькую площадку, едва достаточную, чтобы припарковать пару автомобилей, если бы, конечно, на них можно было сюда проехать. С одной стороны возвышались остатки стены, сквозь разлом которой проросло дерево, с другой – рассыпанные горами каменные блоки. Что из них было когда-то сложено, сейчас определить было абсолютно невозможно. Не подлежало сомнению одно: некогда это заваленное камнями и заросшее кустарником пространство было площадью.

– Это, должно быть, хозяйственные постройки, а там храм, – сказал я Осоке.

– Странные ворота, – девушка взбежала на каменную гору, чтобы посмотреть получше. – Будто накрыты крышкой от ларца. Продолжи мысленно линии доверху.

– Да, очень похоже, – согласился я и предложил: – Зайдём внутрь?

Полуобвалившийся проём ворот плотно зарос тропическими растениями, и для того, чтобы расчистить проход, Осоке пришлось браться за световые мечи. Двор храма тоже почти весь заполнила растительность, молодые деревца, взломав мостовую, вытянулись, окрепли, затем состарились и, погибая, рухнули на стены. Их место заняли следующие поколения, а густой подлесок почти полностью затянул остатки каменных плит. Я чуть ноги себе не переломал, споткнувшись об одну из них. Подруга с её молниеносной реакцией успела схватить меня за локоть:

– Осторожно!

Обвалившееся с одного угла квадратное здание храма меня озадачило. На изображениях я видел индийские святилища в виде башни, напоминающей сахарную голову или огурец, с пристроенным к ней низким зданием молитвенного помещения. Здесь отдельно от башни стоял квадратный павильон, увенчанный высокой четырёхугольной крышей. Дальше – ещё один, в виде колоннады, три проёма с торца и семь вдоль длинной стены.

– *Нат-мандир*, – задумчиво произнесла Осока, касаясь колонны. И остановилась, как вкопанная. Посмотрела на меня круглыми от изумления глазами. Заглянула внутрь.

– Как ты это назвала? – переспросил я.

– Нат-мандир, на Храмовом языке – павильон танцев, – раздался из комлинка голос Падме. – Ещё его называют Залом Обещания, потому что в нём проводятся и свадебные ритуалы. Мы изучали это в школе. Правда, у нас архитектура храмов другая.

– Да и у нас *шикара*, то есть, вот этот шатёр над *гарбагрика*, не знаю, как по-русски назвать, совсем иначе выглядит. Хотя самый верх, пожалуй, примерно такой же, – Осока сбросила ботинки и босиком шагнула на ступени основного здания храма.

– Аккуратнее! – предупредил я. – На змею не наступи. Тут есть ядовитые.

– Не волнуйся, я их чувствую, они ведь живые.

Сам я внутрь не пошёл, остановился на пороге.

– Любопытно, – негромко произнесла Осока из глубины святилища, но в гулком помещении слышно её было превосходно. – У нас в храмах на главной стене находятся изображения божеств в определённом порядке. Здесь – статуя, только одна.

– Индийские храмы посвящены одному божеству, – так же, не повышая голоса, пояснил я. – Иногда бывают ещё дополнительные алтари, Хануману и Ганеше.

– Понятно, – отозвалась Осока. – Алтарь, вот правильное слово. Гарбагрика – это алтарь!

– А тогута, получается, поклоняются иконам?

– Наверное. Такие выпуклые изображения.

– Нет, тогда это называется барельеф. Знаешь, я, кажется, понял, откуда взялось имя вашей планеты. *Шила* – священный камень, он иногда ставится в алтарь вместо статуи. Сейчас только вспомнил слово.

– Вполне возможно, – согласилась Осока, появляясь в проёме. – Алекс, это что за рептилия?

– Тихо! Осторожно! – попятился я, увидев, что за гада ползучего она держит на руках.

– Что?

– Это королевская кобра. Её яд убивает человека за четверть часа. Вряд ли у вас в аптечке есть противоядие.

– Жаль. Такая спокойная, неагрессивная змея... Ладно, красавица, иди, гуляй, – девушка присела и выпустила кобру на пол. Та, не теряя времени, скрылась в зарослях.

Выбравшись по грудам камней обратно на площадь, мы обнаружили, что спидербайком заинтересовались наши отдалённые родственники.

– Бандерлоги! – вырвалось у меня. – А ну, разбойники, пш-ш-шли!!

Стая обезьян, бросив изучение загадочного агрегата, кинулась врассыпную и расселась на ветках деревьев, костеря нас на чём свет стоит на своём бандерложьем наречии. Пара секунд – и полдюжины переспелых плодов неизвестных мне видов просвистели с разных сторон.

– Действительно, разбойники! – Осока увернулась от одного плода, второй, летевший точно в меня, отбила выплеском Силы из ладони. – Ну, сейчас вы у меня *огребёте*.

Она поднесла ко рту руки и изобразила нечто похожее на уханье филина. Хотя, шимпанзе, кажется, тоже издают подобные звуки. Обезьяны замерли. Осока резко выдохнула, одновременно звонко щёлкнув языком. Такой паники я не видел с тех пор, как однажды, проезжая по Ярославскому шоссе, наблюдал реакцию приезжих из Средней Азии на появление милицейской «Газели». Через десять секунд ни одной мартышки в пределах видимости не осталось, и даже птицы, кажется, притихли.

– То-то, – победно улыбнулась моя подруга.

– Надеюсь, они ничего не успели оторвать? – обеспокоенно сказал я.

– Ну, что ты, это же не бреганские механики.

На несколько мгновений отключив маскировку, Падме приняла нас на борт.

– Сейчас я вам ещё нашу, русскую архитектуру покажу, – сказал я.

– Алекс, наверное, до следующего раза, – вежливо отказалась Осока. – Нам бы сегодня заняться местом для новой базы.

– Какой? – не сразу «включился» я. – А, в той системе?

– Ну, конечно. К прилёту транспорта надо подобрать подходящий астероид. Лучше – несколько, чтобы астроархитектору было, из чего выбирать.

– Ого, вы архитектора наняли?

– Случайно попался.

История с архитектором получилась занятная. На него наткнулась наша новая подруга, бывшая злодейка Асаж Вентресс в кантине одного из так называемых «теневых портов». Мужик сидел за столиком и целенаправленно нажирался в дугаря. По словам бармена, продолжалось это не первые сутки, денег у товарища было достаточно. Вспомнив недавнюю себя на Орд Мантелле, Вентресс под села к бедолаге и оказала посильную помощь в уничтожении на отдельно взятом столе злейшего врага человечества – Зелёного Змия. Затем, выбрав подходящую степень опьянения собутельника, нагло полезла ему в душу. Выяснилось, что мужика уволил его начальник Бевел Лемелиск и, что обиднее всего, продвинул на его место какую-то сопливаю девчонку-*омвати*. Услышав знакомую фамилию имперского астроархитектора, Вентресс сообразила, что в руки ей плывёт нечто интересное. Стараясь не отключиться сама, она допоила мужичка до состояния, которое на Руси описывали как «лежит, не дышит, собака рыло

лижет, а он, хоть и слышит, да не может сказать „цыц“ и увезла с собой. В трезвом состоянии мужичок оказался Гантом Кеневицем, инженером и архитектором с двумя высшими образованиями, да какими! Университет Рендили и Высшая Академия Куата. Он был одним из разработчиков стандартных имперских аванпостов, то есть, быстросборных крепостных сооружений, и двух типов орбитальных баз. Заключив, что при таких талантах на вольных хлебах он долго не проживёт, кончит либо у хаттов, либо у принца Шезора – неизвестно, что хуже, наши решили попробовать его прощупать. После длительной беседы с Рийо Чучи, Исполнительным директором Инкипом Риен Шо и Техническим директором Дайрамом Ги Кеневиц был признан подходящим кандидатом. Порядки Императора Палпатина он недолюбливал, хотя по многолетней привычке имперского служащего критиковал их косвенно и завуалированно. Предложение поработать над новой космической базой Кеневиц принял сразу, сказав, что построит хоть астероидную базу, хоть автономный терминал, главное, чтобы **не слишком большой**. Монструозные сооружения ему надоели на прежней службе.

– Что ж, поехали подбирать астероиды, – сказал я.

Как тут не вспомнить мамины слова о простоте и обыденности? До системы назначения было около трёхсот световых лет – три *кводара* двести *третт* по галактическим мерам, а перелёт продлился даже меньше, чем полёт в атмосфере с Тихого океана в Сибирь. Жёлтая звезда, судя по всему, относящаяся к спектральному классу F, поскольку была больше и ярче Солнца, освещала обширную планетную систему. К сожалению «земная группа» планет в ней была представлена безжизненным и почти безатмосферным каменным шаром размером с Марс. За ним следовал первый астероидный пояс, газовый гигант средних габаритов, по массе несколько больше Сатурна, второй астероидный пояс, а дальше ещё несколько метановых планет и каменно-ледяные планетоиды на удалённых орбитах. Для детальной разведки мы выбрали ближний пояс, не такой плотный, а, следовательно, более безопасный для космонавигации. Именно в нём мама Осоки наткнулась на месторождение золота.

– Вот на этой глыбе мы высаживались, – Осока указала курсором системы отображения один из астероидов.

– Размер подходящий, как думаешь? – спросил я.

– Даже великоват. И лучше иметь в астероиде естественные полости, меньше проходки.

– Ладно, – как небезызвестный Семён Семёныч Горбунков, согласился я. – Будем искать. Падме, будь добра, зафиксируй название для этого астероида, – и набрал на виртуальной клавиатуре слово.

– Занесено в лоцию, – улыбнулась голограмма.

– Что? Ты в своём уме? – воскликнула Осока, когда рядом с меткой астероида засветилось название. «Иристана».

– Ничего не знаю, по имени первооткрывательницы, – сделал я морду ящиком.

– Беззастенчивый подхалим! – припечатала подруга.

– А хоть бы и так, зато от чистого сердца. Кстати, надо и звезду как-нибудь назвать...

– Только попробуй!!

– В мыслях не было, – честно сказал я, про себя подумав: «По крайней мере, не в этой системе».

– Я сама назову! – решительно сказала Осока. – Скажем... Дарнала. Была у нас в стародавние времена такая известная джедайка.

– Отличное имя, – одобрил я.

– Занесено, – произнесла Падме.

Хотя ближний пояс Дарналы был значительно плотнее, чем в Солнечной системе – сказывалась близость газового гиганта к звезде – крупных объектов в нём было так же немного. Самый большой, обнаруженный Падме в пределах видимости, чуточку не дотягивал до размеров Весты и Паллады. Впрочем, такие громадины нам и не требовались. Осока объяснила, что

в их недрах идут геологические процессы, и лучше взять что-нибудь поменьше. Я вспомнил трёхкилометровый астероид в системе Араг, служивший «фундаментом» для прежней базы, и согласился, что пять километров в поперечнике нам вполне подойдёт. Первую глыбу с крупной каверной с одного бока мы нашли примерно через час. Осока взяла управление и осторожно подвела «Амидалу» к исполинскому углублению.

– Давайте сунем туда нос? – предложила она.

– Чего там нос, я вся целиком пройду, – отозвалась голограмма.

В самом деле, диаметр пещеры по дальномеру был порядка ста пятидесяти метров. Мощные посадочные прожектора высветили уходящую вглубь полость. На глубине примерно двухсот метров она начинала сужаться. Запущенный вперёд зонд пролетел примерно столько же и продемонстрировал картинку дна каверны.

– Каналов нет, – попытожила Осока. – Посмотрим, единственная ли это полость. Задний ход!

Подталкивая себя передними соплами ионных блоков управляемой тяги, которые я по-земному называл «реверс-моторами»¹, «Амидала» выбралась кормой вперёд в открытый космос. На другой стороне астероида нас ожидала каверна ещё больших размеров и больше десятка малых разломов. Осока сбросила маяк, пометив астероид временным индексом А2—01, что означало: приемлемый для нашей цели, две крупные полости, номер первый. Я ожидал, что следующий «вариант потенциальной жилплощади» подвернётся нам так же скоро, но не тут-то было. Видимо, астероиды с глубокими полостями встречаются в космосе, всё-таки, нечасто. Более светлые и яркие глыбы, даже подходящего размера, мои дамы игнорировали, словно их и вовсе не существовало. На мой вопрос, почему, ответила Падме:

– Легче обнаружить, отчётливее видна поверхность. Зачем превращать себя в мишень?

До вечера мы преодолели больше миллиарда километров и обнаружили ещё пару неплохих астероидов. Правда, один из них Осока сочла крупноватым.

– Ладно, покажем Кеневицу, пусть думает, – решила она, сбрасывая маяк.

– Слушайте, ребята, поздно уже, – сказала Падме. – Шли бы вы спать. А я пока сама полетаю, погляжу, может быть, что намечу.

– Не очень усердствуй только, – предупредила Осока. – Сканируй издали. Что интересное, утром вместе подлетим.

– Да-да, максимум, что – простукаю зондами.

Утром я вышел в рубку первым. Спросил, сдерживая зевоту:

– Ну, как успехи?

– Пять камней, – сообщила Падме. – Два очень хороших. Остальные так себе, но я их всё равно пометила. Ещё нашла одиннадцать рудных глыб. Железо, марганец, литий.

– Неплохо, – одобрила, входя, Осока. – Маячки расстреляла все?

– Нет, остались. Зонд один угробила.

– Ерунда, развернём связь, ещё закажу. Зонды для того и есть, чтобы бить их, а не себя. Показывай, что наснимала.

Увидев голоснимки одного из астероидов, Осока решительно взялась за управление. Мне глыба тоже понравилась. Продолговатая, как космический корабль, три на шесть с лишним километров и с большой открытой в космос пещерой, над которой нависал каменный козырёк. То есть, нет, лучше считать его нижней частью, тогда получается отличная приёмная площадка. Падме обнаружила в астероиде ещё минимум пять каверн меньшего размера, пригодных под ангары на пару грузовиков каждый, и более мелкие пещерки. Вот «горы», то есть, выступы поверхности, на которых лучше всего монтировать причальные устройства для крупных кораблей, располагались не столь удачно. На первом астероиде было лучше.

---

¹ Термин введён писателем-фантастом С. И. Павловым в 1978 году («Лунная радуга»)

– Сделай, пожалуйста, модели всех астероидов, которые мы обследовали, – попросила Осока голограмму.

– Уже сделала.

– Когда прилетает транспорт? – спросил я.

– По расчёту должен в начале первого, – Осока посмотрела на часы над дверью рубки. – Так что у нас остаётся около четырёх часов...

– На самом деле, всего полтора, – поправила Падме. – Мы переставили часы на земное время, забыла?

– Ах, да, точно.

– Поэтому садитесь-ка вы завтракать, а я лечу к расчётной точке randevu.

– Тебя твой работодатель надолго отпустил? – поинтересовалась у меня Осока за завтраком.

– Вообще-то, он меня уволил, – сказал я. – Ещё тогда. Я ведь на неделю опоздал из отпуска. У нас такое не прощается.

– Даже при чрезвычайных обстоятельствах?

– Хотя извержение вулкана, хоть потоп.

– Получается, ты теперь безработный?

– Вольный контрактор, как у вас выражаются. Привыкаю жить от заказа до заказа.

У Осоки тотчас загорелись глаза. И она принялась уговаривать меня поруководить строительством новой базы. Я отнекивался, пытался убедить, что руководитель из меня никакой, что это нужно уметь. Да и архитектор опытный у них теперь есть.

– Зачем вам я при таких-то кадрах? – сказал я.

– Ну, Риен Шо и Ги, действительно, думают, что больше им никто и не нужен, – саркастически усмехнулась Осока. – Но мы-то с Рийо понимаем, что к чему. С проходчиками и строителями он, может быть, и справится, но системы-то будут монтировать...

– Неужели бреганские товарищи? – умилился я.

– Они самые. Лучше тебя с ними не договорится никто.

– Да уж. По крайней мере, в новой системе нет свалки...

– Они её с собой приволокут, не беспокойся. Планы у них обширные. Главное, надо следить, чтобы и сам Кеневиц не пил, а то на прежней работе он явно *того*, – Осока красноречиво щёлкнула пальцами по горлу, – по крайней мере, последнее время.

Она ещё говорила, что сидеть над душой у ребят вовсе не обязательно, можно контролировать их по комлинку, благо сейчас такая возможность появится. А в случае необходимости – делов-то, два часа лёту... В общем, уболтала, чертовка красноречивая.

В десять часов с минутами из невообразимой дали вдруг возник и, резко остановившись, завис в пространстве пузатый силуэт транспорта «Борец». Нагрузили его в этом рейсе знатно. Под тонкой центральной частью корпуса были подвешены два головастых маленьких кораблика незнакомой мне модели – скорее всего, внутрисистемного класса. Выше притулилась пара орбитальных буксиров. На спине транспорта удобно устроился дисковидный кореллианский грузовик серии 1210, не иначе, «Индрик».

– Ну, вот, заняли мой любимый насест, – сокрушённо вздохнула Падме. Кататься верхом на «Борце», сцепившись посадочными лапами и переходным колодцем, ей уже приходилось не раз. Более того, маскировочное устройство «Амидалы» имело достаточную мощность, чтобы скрыть от любопытных глаз и сенсоров всю сцепку. С двухсотметровой тушей более тяжёлого транспорта «Кориолан» этот фокус уже не проходил. Сейчас наш корабль подходил к «Борцу» валетом, нацеливаясь стыковочным узлом горизонтального типа, расположенным в борту прямо за рубкой, в ответную часть на стенке трюма.

– Что-то новенькое, – заметил я. – Поправьте меня, девочки, но, по-моему, у «Борца» раньше этих узлов не было?

– Идея Падме, реализация бреганская, – улыбнулась Осока. – С другой стороны прива-
рили второй. Очень удобно для randevu в пространстве.

Гант Кеневиц оказался светловолосым мужчиной на вид лет сорока пяти. Осока познакомила нас, отрекомендовав меня как «представителя Совета директоров». Судя по выражению круглого, несколько одутловатого лица, Кеневиц явно не знал, как ко мне относиться. То ли как к злу, вроде надсмотрщика, то ли как к человеку, способному в случае чего разделить бремя ответственности и упростить решение бюрократических вопросов. Услышав, что мы провели предварительную разведку окрестностей и нашли несколько неплохих астероидов, архитектор попросил данные и «примерно час на сопоставление». После чего удалился с видом человека, которому после вынужденного простоя не терпится поскорее заняться делом. Мне оставалось лишь надеяться, что на практике он такой же деловой, как показался на первый взгляд.

А вот «бреганские товарищи» выразили своё отношение вполне однозначно: громкими приветствиями, хлопками по плечу и крепкими рукопожатиями.

– Ну, хоть один вменяемый человек, с которым можно всё решить, – заулыбался невысокий пухлый механик Иан Кудра. – А то Генеральша перед отлётом нас так застрашала...

Его напарник, сухопарый Базили Вран, просто потряс мне руку своей цепкой ладонью и сказал:

– Поработаем.

Из остальных бреганцев я раньше видел четырёх человек, и то совсем недолго. Фамилия их старшего, кажется, была Стожар. Да, Симеон Стожар. Они появились на центральной базе буквально в последний день перед моим отлётом на Землю. Тем не менее, все четверо радушно со мной поздоровались. Родной язык бреганцев назывался *словиоски* и, думаю, был понятен без перевода представителю любого славянского народа, стоило лишь слегка вслушаться. Мне в общении с ними здорово помогало знание старинных слов – «ведать», «разумение» и тому подобное. Да ещё военные фильмы, где нередко встречались колоритные персонажи, говорящие на украинской мове. Если бы Осока не учила словиоски в школе Храма Джедаев, кто знает, удалось бы нам так быстро подружиться или нет. И как скоро без Осокиных разъяснений освоил бы я *базик* – местный всеобщий язык. Сейчас моя подруга умудрялась одновременно разговаривать по-русски со мной и на словиоски, обращаясь к бреганцам. Как она не путалась в этой лексико-грамматической каше, ума не приложу.

Другие рабочие, прилетевшие на «Борце», косились на нас... ну, примерно, как москвичи на гастарбайтеров-молдаван. Вроде, люди такие же, а разговаривают непонятно. Сами строители, в основном, выглядели вполне обычно, лишь несколько человек небольшого роста имели свинцово-серый цвет кожи и сильно блестящие, словно намащенные, светлые волосы.

– Откуда эти ребята? – поинтересовался я у Иана.

– В основном, с Гаргона. Какие-то знакомые знакомых нашего архитектора. Говорит, хорошие строители. А эти вот коренастые – проходчики-меериане и их инженер ГилЗан, который с декой на поясе. Как там у Падме дела? Всё нормально работает?

– Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

– Сейчас гипербуу запустим и сделаем ей профилактику, – пообещал механик. – Хороший корабль остаётся хорошим, если его периодически осматривать.

Да, первым делом следовало наладить связь. Из трюма «Борца» были вытолкнуты два цилиндра диаметром в человеческий рост и длиной метра по четыре. Один из них буксир повёл на другую орбиту, на «наружную» сторону пояса астероидов, чтобы был меньше заметен. Другой Падме, ворча, втянула в свой грузовой люк.

– Подвесите над Землёй на орбиту повыше, чтобы никто не трогал, – наставляла меня Осока, – и будет у тебя постоянная прямая связь и со стройкой, и со старой базой.

– Сложно его активировать? – спросил я.

– Не очень.

– Эх, надо было с буксиром слетать, посмотреть.

– Да не волнуйся, инструкция подробная, – успокоил Базили. – А что непонятно будет, Бета поможет.

– Бета? – я вспомнил четвёрку кибернетических девиц модели «Стражник», которых мы нашли на станции «Эксис», там же, где «Амидалу», и назвали буквами греческого алфавита.

– Чучи велела оставить её тебе в качестве референта. И грубой физической силы, – пошутил Иан. – А то вдруг нас нужно будет плетью погонять, а Осоки рядом не будет.

– Я могу впрок по шее надавать, если без этого никак, – тут же предложила та.

– Всё понял, хозяйка, идём делать профилактику!

Падме, весьма польщённая вниманием со стороны такого количества мужчин, благосклонно позволила Иану, Базили, Симеону и трём его друзьям заглядывать в нутро любых своих систем, хотя сразу заявила, что чувствует себя превосходно и в профилактике не нуждается. Механики покивали... и полезли смотреть дальше. Спустя четверть часа помощник Стожара Недан Тур молча положил на стол в рубке треснутый, помутневший с одной стороны энергокристалл. Бреганцы извлекли его из вспомогательного накопителя. Устройство состояло из целой батареи таких кристаллов, и отказ одного на ёмкости сказывался незначительно. А вот если бы он раскололся и повредил соседние, «аккумулятор» мог потерять существенную часть заряда. Недан выразительно, этажа так в три, если переводить на матерный, посмотрел на беспечную «хозяйку» и удалился, даже спиной своей выражая глубокое возмущение.

– Все старые накопители надо обновить полностью, – подытожил Базили. – Слишком долго ты простояла без регулярной дозарядки, кристаллы сыпаться начинают.

– Ну, я не виновата, что меня бросили, – развела руками голограмма. – Ой. Посторонний на борту. Кеневиц.

– Исчезни, – поспешно сказала Осока. – Он о тебе знать не должен.

Гант Кеневиц вошёл в рубку в чрезвычайно приподнятом настроении, вертя на пальце цепочку с информационным носителем.

– Прекрасная разведка, леди Тано! – радостно произнёс он. – Не все Ваши астероиды я рекомендовал бы для постройки баз, однако, три удачных варианта у нас имеются. И лучший среди них, пожалуй, А6—06.

– Строим на нём? – уточнила Осока.

– Да-да. Я предполагал развернуть временную базу и отправить разведчиков, но теперь необходимости нет. Вот в этот объём можно разгрузить транспорт, загерметизировать, и начнём строительство.

Корабль слегка вздрогнул, короткий звук передался по корпусу. Я уже знал, что означает подобный лязг. Наша самостоятельная яхта, закрыв переходник, расстыковалась с «Борцом» и... Ну, да, разворачивалась, чтобы везти нас к астероиду. Так, чего доброго, вся конспирация может полететь к чертям. Я поднялся на подиум и сел в кресло, чтобы, хотя бы, делать вид, что управляю. Как раз вовремя. Астроархитектор, показав на большой голографической модели последовательность первоочередных действий, повернулся к пульту.

– Алекс, подскажите, у Вашего корабля посадочные прожекторы стандартные? – спросил он. Я взглянул на ребят.

– Нет, Гант, на этой красавице две осветительные линии с каждого борта и дополнительные когерентные источники в крыльях, – ответил за меня Иан.

– Отлично! В таком случае, временное освещение тоже развёртывать не будем.

Разгрузка «Борца» продолжалась до позднего вечера. Новый командир корабля Микал Грида и его помощник с забавной фамилией Малахай подвели транспорт к зеву пещеры так близко, как только было можно, чтобы не загораживать свет прожекторов «Амидалы». Выталакиваемые контейнеры, пакеты, детали механизмов плыли в невесомости прямо внутрь полости. Механики и строители, тем временем, выравнивали лазерными резаками края, в некото-

рых местах отсекали довольно крупные куски, формируя из неправильного кратера ровный прямоугольник. Как только была готова одна из его сторон, бреганцы, не тратя времени даром, начали монтаж оборудования силовой стенки. Невдалеке от пещеры дройды под руководством двух человек в скафандрах соединяли узлы какого-то цилиндрического агрегата, и вскоре в пустоту ударил быстро рассеивающийся столб не то дыма, не то пара, а агрегат начал медленно, но заметно для глаза углубляться в поверхность. Непосредственно рядом с местом бурения к скале крепили бытовки, в готовом виде довольно похожие на земные, вот только монтировались они немного иначе. Плоская упаковка ставилась вертикально, торцы раздвигались до тех пор, пока сложенные между ними гармошкой пол, потолок и боковые стены не вытягивались в ровную поверхность, затем вдоль рёбер вставлялись штыри-распорки, и помещение готово.

– Ах, как жаль, что мы взяли с собой всего одну проходческую машину! – воскликнул Кеневиц. – Я полагал, что сначала потребуется разведка.

– Да ничего страшного, – успокоила его Осока. – Через три дня придёт «Руяна», на ней ещё две.

– Конечно-конечно! А у нас будет уже не времянка, а полноценные жилые помещения. И «Борец» отпустим прямо сегодня.

В девять вечера с минутами по московскому времени внутри пещеры вспыхнули гроздя огней постоянного освещения. На этом рабочий день решили закончить.

– Завтра поднимем силовую стену, наддуем объём, и можно будет работать без скафандров, – сказал Симеон Стожар.

– Успехов, – черноволосый Грида пожал руку ему, Иану, затем мне. Предупредил: – Мы стартуем через десять минут, готовьтесь к расстыковке.

– Я тоже, пожалуй, полечу домой, – сказал я, – а через несколько дней наведаюсь.

– Хорошо. Возникнут вопросы – свяжемся по комлинку, – кивнул Иан.

Осока, собираясь улетать, ещё раз всё проверила, заставила меня открыть своей ладонью закодированные на папиллярный узор замки корабельных сейфов, показала, где лежит оружие.

– Здесь бластерная винтовка, гранатомёт, твой «пятнадцать-эс» и мореллийский пистолет, – сказала она. – Пистолет, кстати, попробовала, очень эффективная штучка. Секройда Техносоюза прошибает одной пулей вместе с силовой защитой.

– Может быть, возмёшь? – предложил я.

– Ну, нет, это твой подарок. Себе я куплю, спрашивала у одной знакомой торговли, обещала достать несколько штук. Гильзы не выбрасывай по возможности, их можно переснарядить. Бета! Владельца беречь и слушаться.

– Могла бы и не напоминать, – отозвалась дройдесса, похожая на закованного в боевую броню мандалорианского воина. – Свои основные функции я знаю хорошо.

Я проводил подругу до переходного люка.

– Ну, что... «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону», – стараясь выглядеть не слишком печальным, – сказал я.

– Это что, из стихотворения?

– Из песни.

– Не расстраивайся. Разгребёмся с делами, ещё куда-нибудь слетаем. А пока будем перезваниваться. Не забудь, пожалуйста, про гипербуй.

– Так Падме мне и позволила!

– Да, таскать в трюме эту чушку она не захочет, – согласилась Осока. – В общем, как прилечу, сразу позвоню.

– Народ, это... – бреганец по фамилии Малахай выглянул из-за угла. – Отваливайте, что ли, нам лететь пора.

– Всё, пока, – Осока отступила за комингс, и створки переходника сомкнулись между нами, сначала на «Борце», а секунду спустя со стороны «Амидалы». Я поплёлся в рубку. Чёртов второй пилот, попрощаться нормально не дал! Никакой деликатности.

– Не туда, – строго сказала голограмма Падме, когда я по привычке собирался плюхнуться в правое кресло. – Ты теперь у меня командир, привыкай к своему месту.

– Да-да, – я послушно пересел и стал смотреть, как медленно отходит от нас транспорт. Удалившись на расстояние, которое я оценил метров в сто пятьдесят, неуклюжая с виду туша «Борца» внезапно легко развернулась сложным движением во всех трёх плоскостях одновременно, и из маршевых двигателей по бокам пухлого грузового отсека вырвались струи плазмы.

– Этот Грида отличный пилот, – сказала Падме. – И человек, вроде бы, неплохой. Бесцеремонный только очень. Тут однажды попытался меня лапатыть...

– Э-э... Как лапатыть?

– Ну, за управление.

– Ах, вот что, – я посмотрел на разновеликие рукоятки на подлокотниках кресел. – Можно? Или командовать исключительно голосом, как в аниме? Так это стоя придётся. И катаны у меня нет, чтобы ею жестикулировать.

– Прекрати паясничать, пожалуйста! Ну-ка, берись и выводи меня на чистое место!

– Слушаюсь, Ваше Величество.

– *Иди на фиг!* Я семнадцать лет как не королева.

– Величества, как и чекисты, бывшими не бывают, – наставительно сказал я, берясь за рукоятку «курс – тангаж» и Г-образную ручку реверс-моторов так, чтобы не прихватывать расположенную рядом вторую, главной тяги. Рулить «Амидалой», надо сказать, было истинное наслаждение. Снятые с «Горгульи» пилотские кресла особенно наглядно позволяли чувствовать разницу. Когда Осока в те ещё времена учила меня управлять кораблём, я быстро обратил внимание на запаздывание реакции на отклонение рукоятки ориентации, совсем небольшое, но отчётливое. Здесь отклик был моментальным. И парировать вращение встречным движением не требовалось. Стоило отпустить рукоять, позволяя ей вернуться в нейтраль – «Амидала» замирала в нужном положении, словно впаянная в вакуум. Создатели компьютерных симуляторов, вероятно, сочли бы такое поведение «нереалистичным», впрочем, меня их мнение не волновало абсолютно. Движение левой руки – и шесть ионных струй понесли нас в казавшуюся довольно узкой, а на самом деле многокилометровой ширины щель между летающими глыбами. Оказавшись вне плотного слоя астероидного пояса, я ещё раз повернул корабль, убрав газ, а затем, положив ладонь поверх обеих рукояток управления двигателями, включил вместе с реверс-моторами «батарею» главной тяги.

– Гиперпривод готов? – спросил я, следя за указателем скорости, выведенным поверх изображения в одной из секций-экранов пульта.

– Да. Координаты введены. Скорость достаточна, – отпортовала Падме.

– Поехали!

И звёзды, растянувшись в сверкающие нити, захлопнули корабль в тугую белёсый кокон гиперпространства.

3

Процесс надзора за «стройкой века» не стал для меня особенно обременительным. Немного беспокоился я лишь в самом начале, пока не убедился, что Гант Кеневиц отличный специалист и не алкаш, а рабочие, нанятые администрацией, достаточно хороши, в меру исполнительные, в меру ленивые, как свойственно любым нормальным людям. А первое правило компьютерного администратора гласит что? Правильно: работает – не трожь. Я, по сути, оказался в положении того самого майора. Как там было? Все до старшего лейтенанта включительно должны уметь работать самостоятельно. Капитан должен уметь организовать работу. Майор должен знать, где что делается. Вот я и знал. Системы видеонаблюдения на строящейся станции пока не было, но её с успехом заменяли записи сервисных дроидов. Перед моими глазами разворачивалась картина возведения с нуля крупной астероидной базы. Прокладывались туннели, естественные полости преобразовывались в прямоугольные залы или ангары с плоским полом и сводчатым потолком. Крупные залы делились на помещения перегородками и горизонтальными перекрытиями, внутри которых монтировалась аппаратура искусственного тяготения, вентиляция и освещение. Галактическая цивилизация использовала довольно интересный способ пещерного строительства. Материал стен размягчался при помощи плазматрона, затем прессовался и выравнивался силовым полем, дабы не оставалось трещин и микроканалцев, могущих служить путями для утечки воздуха. На данном астероиде плазма ещё и поддувалась кислородом, в котором из хондритовой породы выгорала часть углерода, а получившаяся углекислота пополняла атмосферу помещений. Закончив выравнивание стен в объёме, его отсекали от «первой очереди» гермодверями, и, пока монтажные дроиды собирали перегородки, а техники настраивали гравитронику, регенерационные установки приводили воздух к составу, пригодному для дыхания. Бытовой городок, собранный в первый день на поверхности астероида рядом с пробиваемым тоннелем, пока функционировал, но постепенно съёживался по мере того, как всё больше и больше готовых помещений образовывалось в толще породы. Вскорегодились каменные обломки, оставшиеся от формирования порталов ангаров. Строители вначале отталкивали их в сторону, смораживая углекислотой в «мусорные сателлиты», а после того, как в выемке на поверхности астероида смонтировали энергостанцию, возвели над ней каркас из арматуры и переплавили породу в купол защитного саркофага. Энергостанция для будущей базы имела в своей основе *расщепитель*, то есть, обыкновенный ядерный реактор на делящемся топливе. Вместе с другими материалами её в разобранном виде привёз транспорт «Руяна», и строители постарались быстрее запустить её в работу, чтобы не жечь в генераторах энергоноситель. Солнечный «самогонный аппарат», развёрнутый в чистом космосе ниже пояса астероидов, производил его исправно, но недостаточно для удовлетворения всех нужд, и приходилось частично использовать запас из баков «Индрика» и даже «Амидалы».

На транспорте прилетели и люди, в смысле, разумные существа, поскольку людьми можно было считать далеко не всех из них. Например, диспетчер Натуа Хисс, хорошо мне знакомая по старой базе, с виду отличалась от обычной женщины только худым, словно измождённым лицом, странной линией роста волос на голове, заметно выступающими на спине позвонками да строением ногтей. На самом же деле она была потомком млекопитающих динозавров с планеты Фоллин и даже температуру тела имела непостоянную. К какому семейству и отряду можно отнести мохнатую четверорукую фо-фейанку Блику Лофор, я и вовсе не знал. Блика прибыла в компании двух своих соплеменников, супружеской пары Беяфи. Оретнор Беяфи был авиатехником, его жена Эрнинэ специализировалась на мозге и «нервной системе» дроидов. К моей искренней радости, на новую базу прилетел и старший военный инструктор, лейтенант-клон Пятерня. Он и три его помощника привезли двадцать семь новобранцев. Отдель-

ной роте спецназа АО «Инделсел», солдат которой по привычке именовали пограничниками, требовались новые кадры. За год, прошедший с момента эвакуации с космического терминала «Румелия», некоторые старослужащие переквалифицировались кто в пилоты грузовиков, кто в бортинженеры или механики. Задач, тем временем, не становилось меньше: кроме главной базы, охраны требовали три ремонтных дока, организованные в других системах. Вот командир пограничников, майор Гента Вантезо, и набрал с нескольких планет мальчиков, кто искренне желал пойти на военную службу, но не в имперские штурмовики. Примерно половина новобранцев, как сам майор, администрация и основная часть персонала старой базы, были родом с Панторы. Их отличала голубоватая пигментация кожи, а некоторых ещё и странные цвета волос: каштановые и рыжие других рас соответствовали у панторанцев бордовым, красным и розовым. Остальные мальчишки представляли пёстрое сборище из систем, сравнительно близких к Арагу: Орд Мантелла, Вендилла, Оринды, Корсина, и, конечно же, Брега. А ещё были двое тионцев и парень с далёкой Шарлиссии, дальний родственник капрала Тивальи. Спасаясь от имперского призыва, он потратил последние деньги на перелёт до Панторы, а оттуда его эвакуировали вместе с местными.

– Что интересно, другие виды из соседних секторов тоже служить просятся, – рассказывал мне Пятерня. – Ладно *забраки*, они у нас давно работают. А *жазбинане*? А *наутолань*? И девицы не хуже ребят, хотя их-то в штурмовики не призовут. Недавно прилетела чагрианка, шестнадцать лет, возьмите её пилотом, гонщица она, видите ли.

– Так радоваться надо, – сказал я, – доброволец, да ещё обученный.

Суровое лицо профессионального вояки отразило досаду.

– Радоваться, – проворчал он. – Куда её на астероид? Они же, как и наутолань тоже, амфибии, им вода нужна, а тут воздух сухой. Попортит организм, а ей ещё рожать.

Новобранцев разделили на две группы, полдня они изучали военное дело, полдня работали на облицовке помещений. Как говорится, два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один пограннаряд заменяет весь стройбат. Вообще-то, зря я рассказал эту хохму местным пограничникам, ну да теперь слова из песни не выкинешь.

В общем, дела на строительстве двигались, и довольно-таки неплохо. Вопросы, как верно пророчествовала Осока, возникали только тогда, когда дело касалось инициативы, проявляемой «бреганскими товарищами». Гант Кеневиц старался организовать всё как положено, бреганцы – оптимизировать и облегчить. К чему, например, прокладывать кабели километрами по коридорам и стволам, если можно просверлить «крысой» – плазменным сверлом на колёсиках – канал напрямую и ею же все кабели протащить? Архитектор ругался, что так не делают, что нельзя без схемы, а ему отвечали, что в схему уже внесено. Во всех подобных случаях я сначала выслушивал одну сторону, потом другую, думал какое-то время, а затем убеждал того, кто, по моему мнению, был неправ. Иногда для этого требовалось лететь на место и оценивать ситуацию. В других случаях хватало осмотра с помощью Альфы – близняшки моей Беты, оставшейся в системе Дарналы в качестве секретаря Кеневица – и беседы по комлинку. Если Кеневиц упирался рогом, которого у него не было, приходилось продавливать его сопротивление авторитетом, которого не было у меня. Прилетая на новую базу, я уже не отдавал энергоноситель, как в первый раз, а дозаправлял свою Леди Яхту. Более того, накопленной светящейся жидкости, вязкой, как ртуть, и жутко агрессивной химически (про себя я называл её «ведьминым студнем») стало хватать для дозаправки «Борца», который теперь совершал регулярные рейсы от старой базы к новой и обратно. А раз экономить больше не требовалось, я стал наведываться на стройку чаще, подгадывая к вечеру, привозил народу что-нибудь вкусненькое с Земли. Плату за часть заказов я брал в баксах, а за них индийские и чилийские товарищи охотно – и совсем недорого – продают ящиками и бананы, и манго, и персики, и фиолетовую сливу размером с помидор. Мандарины же вообще можно взять в Абхазии за рубли. Ребята и девчата трескали свежие фрукты, а за чаем начиналась «травля бакс». Больше всего,

понятное дело, рассказывали пилоты и лейтенант Пятерня. Он вспоминал давнюю войну, своих братьев-клонов, много говорил и о джедаях, включая Осоку, отчего я его слушал особенно внимательно. Время от времени мы заставляли его за удовлетворением «пагубной страсти», как выражалась Блика – занятием живописью. Голых стен на новой базе было предостаточно, на них и появлялись свежие рисунки, выполненные, не скажу «талантливо», но умелой рукой.

– Ты отлично рисуешь, Пятерня, – заметила однажды Натуа.

– Рисую? Я рисую?? – воскликнул лейтенант. – Да разве это называется «рисовать»? Эх... А ну, пойдёмте, покажу я вам, как рисуют по-настоящему.

Он привёл нас в свою каюту, заставил рассестись на кровати и стульях. Проектор ком-линка я держал таким образом, чтобы и голограмме Падме тоже было всё видно. А Пятерня достал из глубины шкафа плоский чёрный прямоугольник. Поставил его на рундук, подвинутый в центр свободной стены, и снял чехол. Перед нами предстала картина. Заросли инопланетного леса, светящиеся не то цветы, не то кактусы без игл, ветви, лианы. И в центре всего этого – женщина, твилека с небесно-голубой кожей, одетая в коричневый брючный комплект из плотной ткани. Она стояла почти спиной, полуобернувшись и глядя на зрителя поверх плеча, изображённая с такой пронзительной натуралистичностью, что, казалось, сейчас кивнёт, повернёт голову и шагнёт туда, вдаль.

– Айла... – прошептала Падме.

– Уходящая в Вечность, – глухо произнёс Пятерня. И я вдруг понял, что это, чёрное и размытое, изображено внизу картины. Стволы. Целый часток кол бластерных стволов, направленных на женщину. А её световой меч в правой руке был выключен и смотрел эмиттером вниз. Стало ясно, почему с такой печалью и укором смотрят её прекрасные глаза цвета осени. Так глядела она на своих убийц, уже зная, что произойдёт в следующий миг. Готовая сделать последний в своей жизни шаг. Шаг в бессмертие.

– Он тоже стрелял в неё тогда, тот клон, не знаю номера, – мрачно пояснил Пятерня. – А год спустя нарисовал вот это. И, когда закончил, повесился на собственном ремне.

– Всё-таки, он стал человеком. Хотя и слишком поздно, – грустно сказал Иан.

– Я тоже пытался их рисовать, – признался лейтенант. – Тех, кого знал. Её, Джокасту, Луминару... Чтоб были, как живые. И не получалось.

– Осока на борту «нерфа» нарисована очень похоже, – заметила Натуа.

– Да. А я ведь не знал, что она, единственная, жива. Мистика какая-то.

По дороге домой, в Солнечную систему, Падме была молчалива и печальна.

– Расстроилась? – спросил я.

– Немного. Как будто снова побывала в тех временах. Я ведь тоже знала их всех, Алекс. А теперь их нет. Никого не осталось. А я сама вот в таком странном состоянии, как вы выражаетесь, *ни то, ни сё*.

– Как же «никого»? – преувеличенно возмутился я, чтобы отвлечь её внимание от «странного состояния», где крыть было нечем. – А Осока? А Рийо? А Пятерня, пусть он был простым солдатом...

– Разведчиком он был. Потом сержантом.

– Вот! – воскликнул я. – Значит, ты и его хорошо знала, раз запомнила! А говоришь такие вещи. «Никого». Две такие замечательные подруги! Они тебя очень любят, обе, уж я-то вижу.

– И я вижу. Просто как-то странно. Я была старше, заметно старше их, а теперь мы как бы стали ровесницами.

– Разве это плохо?

– Не знаю. Нет, пожалуй, нет, – Падме, наконец, улыбнулась. Спросила: – Не хочешь поспать немного? Завтра вы с Ирис, кажется, собирались на рекогносцировку?

– Да, в Косово. Пожалуй, надо поспать, ты права, – я спустился с подиума и вознамерился улечься на угловой диван у стены рубки.

– Ну, уж нет! – строго сказала голограмма, уперев руки в бока. – Вот ещё будешь, *как на вокзале!* А ну-ка, иди в каюту и ляг нормально на постель!

И вновь, как время от времени бывало, во взгляде её, в интонациях мне почудилось нечто неуловимо-знакомое.

– По-моему, ты мной помыкаешь, тебе не кажется? – проворчал я.

– Я о тебе **забочусь!** Сам говорил, мы одной крови, а соплеменники заботятся друг о друге.

Вот это я, точно, говорил. Санскритские корни имени Падме Амидалы со всей очевидностью свидетельствовали о том, что она, как и я, индоарийских кровей. Да и сам этнос, к которому принадлежали набуанцы, бреганцы и, скорее всего, предки тогрут с человеческой стороны, галактические учёные называли «надсемья ари». А в обиходе говорили «раса набу». Ничего не попишешь, пришлось подчиниться и идти спать в каюту.

Я хотел подремать часа полтора, два, до выхода на досветовую скорость, но коварная Падме не стала меня будить. И когда я проснулся, то обнаружил, что по московскому времени наступило утро, а «Амидала» лениво вращается вокруг моей родной планеты, состыкованная с жилым модулем Ирис.

– С добрым утром, – солнечно улыбнулась голограмма, сразу отбив всякую охоту на неё ворчать. – Умывайся и иди завтракать, Ирис всё приготовила.

– Привет, – сказал я, входя в модуль. – Извини меня, ради бога, проспал.

– Ничего страшного, – Тано-старшая тоже улыбалась. – Всего-то девять утра. А на Балканах, значит, семь. *Куда в такую рань?* Вот поедем, тогда и спустимся.

За то короткое время, что Ирис изучала земную жизнь, она научилась понимать на слух английскую речь, читала на латыни и греческом, а уж по-русски стала говорить вовсе без напряжения. Резкий жёсткий акцент, который я про себя называл «югославским», заметно уменьшился, хотя он, в сущности, никогда особо не мешал. С моими родителями Тано-старшая поладила великолепно, то приглашала нас всех сюда, на орбиту, и угощала блюдами, приготовленными из запаса продуктов жилого модуля, то сама ужинала у нас дома земной кулинарией. По вечерам они с моей мамой вели долгие душевные беседы, часто – находясь одна на орбите, другая дома на кухне, как обычные телефонные кумушки. Мама называла её просто Ирой и относилась совершенно так же, как к любой своей подруге, а может, и лучше. Сейчас, пока я ел, Ирис медленно пила из кружки слабо заваренный земной кофе и читала что-то на экране деки, изредка делая стилем пометки. Бывают же чудеса в Галактике: такая красивая женщина и такая учёная!

Не успел я допить чай, как зазвонил телефон. Мобильный. Его я купил совсем недавно, после увольнения, чтобы заказчикам было легче меня найти. С прошлого года элитная дотеле сотовая связь резко подешевела и стала доступна не только банкирам и бандитам. Вообще-то, сам аппарат сейчас лежал дома, подключённый к инопланетному комлинку, а сюда сигнал транслировали гиперволны.

– Слушаю! – сказал я, дотрагиваясь до клавиши и вкладывая в ухо наушник. – Да. Нет, Павел, сейчас не могу. Я на орбите. Какой, околоземной. Высота тридцать шесть и две метра, наклонение пятьдесят шесть градусов. Трудно сказать, мне тут ещё кое-куда слетать надо. Часа в три подъеду. До встречи.

– Ты ему и параметры орбиты сообщил? – удивлённо посмотрела на меня Ирис. – Как неосторожно.

– С некоторых пор у меня железное правило: говорить чистую правду, – засмеялся я. – Только в этом случае можно быть абсолютно уверенным, что тебе никто не поверит. Спасибо за завтрак, полетели смотреть, что творится в Косово.

Подходил к концу ноябрь. Строительство базы вошло в завершающую стадию. Та часть астероида, где были самые удобные внутренние полости, приобрела законченную структуру,

обустроили под ангар ещё одну открытую наружу пещеру примерно в двух километрах от первой. К ней пока вёл всего один длинный тоннель. Третью пещеру, имеющую сравнительно узкое жерло, решили отдать под производственный комплекс. Да-да, Совет директоров поставил Кеневицу и такую задачу: на базе должно быть место для собственных заводов. Я не был уверен, что для производств не стоило бы выбрать другую подходящую глыбу поблизости, зато с самой идеей был согласен безоговорочно. Что такое торговать только сырьём, я наглядно видел на примере своей собственной страны последние восемь лет. Зависимость от всех и каждого. Кабала. Хорошо, что хоть здесь эту ошибку сразу решили не повторять. В пространстве рядом с базой была собрана плавиальная печь с электромагнитным нагревом рабочей зоны. Её запускали уже дважды, загружая куском руды, отрезанной от металлического астероида, добавляли необходимые присадки и получали на выходе аккуратно нашинкованные силовым полем плиты нужной толщины. Красота! И прокатного стана не нужно!

С Осокой мы за всё это время виделись только в виде голопроекций, зато почти каждый день, с небольшими перерывами, когда она пропадала на сутки-двое, решая «неотложные вопросы». Разница в два с лишним часа не мешала совершенно, наоборот, разговаривали мы как раз в то время суток, когда в жилых секторах базы Араг и фрегата всё затихало, и мою подругу никто не отвлекал. Работу обсуждали мало, всё больше какие-нибудь отвлечённые темы. Я заметил, что об обстановке в системе Осока рассуждает с некоторой неохотой, и не настаивал. У меня ведь был и другой источник информации. Панторанка Рийо, Осокина ближайшая подруга и генеральный директор всей компании, а в устах бреганских специалистов – просто Генеральша. Ей я звонил обычно днём, вроде как доложить об успехах, а затем, деликатно поинтересовавшись, не занята ли она, выводывал последние новости. Если верить бреганцам, на словиоски Рийо говорила абсолютно неграмотно – в своё время не доучила, всё времени не было, да вдобавок, нахваталась от нас с Осокой слов и оборотов, нехарактерных для Брега. Мне уровень литературности её речи был абсолютно безразличен, главное, друг друга мы понимали хорошо, и не требовалось переходить на *базик*. От Рийо я узнал, что объединённая пиратская эскадра начинает наглеть, гружёные рудовозы с шахт приходится эскортировать до точки гиперперехода. Пока это было не страшно, звено истребителей и ракетносец в придачу давали налётчикам мало шансов на успех, и те не лезли на рожон, больше на нервы действовали. А вот нервы-то, как раз, были не железные, в первую очередь, у самой Рийо. Очаровательная панторанка старалась это скрывать, да я-то не первый день её знал, и давно догадался, что таится за внешним спокойствием её золотых глаз. Хотя бы, по тому, что она стала более придирчиво расспрашивать о состоянии дел на строительстве.

– Ты не пытаешься ли меня оградить от дурных новостей? – спросила она как-то.

– С чего ты взяла? – удивился я.

– Вот Кеневиц сегодня сообщил, что у него проблемы относительно бреганцев.

– У него не проблемы, они просто поспорили, в каком порядке размещать технические помещения. Не волнуйся, я выслушал обе стороны, мы всё обсудили и нашли компромисс.

– А мне почему не говоришь?

– Смысл? – я пожал плечами. – Вопрос решён, на график это не повлияло. Рабочие моменты. Случится что-то серьёзное, сообщу сразу, не сомневайся.

– Какой ты тонкий организатор!

Ну, вот, уже и в организаторы записали. Несколькими днями раньше бреганские механики и примкнувшая к ним Блика наградили меня званием изобретателя, причём, за сущую ерунду. Прилётев в систему Дарналы для дозаправки, я увидел рядом с металлургической печью угловатый кусок астероида, несколько более крупный, чем первые два.

– Ребята перестарались, – огорчённо махнул рукой Базили. – Откромсали слишком большой, в печь не лезет, резать придётся.

– Слушайте, а зачем вообще эта печь? – задал я дурацкий вопрос. – Каким образом там происходит разделение фракций?

– Примерно так же, как на планетарных заводах, только тут действует не гравитация, а центробежная сила, – стал объяснять бреганец. – Расплав подкручивают тракционным лучом, а затем собирают по очереди расслоившиеся элементы.

– В вакууме?

– Ну, да.

– А в открытом космосе то же самое делать нельзя? Тогда не будет таких жёстких ограничений по размеру.

– Интересный ты человек. Плавить-то его как будешь в открытом?

– Да вон дармовой источник энергии светит, – кивнул я за иллюминатор. – Собрать излучение звезды зеркалами...

Лицо у Базили стало таким, будто я только что при нём открыл новый физический закон.

– Хатт побери, а ведь верно! – воскликнул он. – Генераторы луча и силовые ковши смонтировать в узлах зеркала, а глыбу раскручивать прямо холодную, магнитные силы её тормозить не будут. Зеркал, конечно, понадобится много, очень много, но что у нас, металла не хватает??

По мере рассуждений взгляд механика слегка расфокусировался, он смотрел уже не на меня, а мимо, задумываясь всё глубже. В рассеянности похлопал по нижним карманам комбинезона в поисках чего-то, должно быть, деки. Пробормотал:

– Ну, вот, как нарочно, не взял, – повернулся и побрёл прочь, продолжая приговаривать: – Это отличная мысль, просто-таки замечательная мысль...

Я начал было опасаться за его душевное здоровье. Но спустя несколько часов мне продемонстрировали выведенную в безвоздушное пространство небольшую сборку зеркал, в фокусе которой вращался раскалённый добела кусок породы, килограммов на сто. Ещё немного, и он потёк, превращаясь в расплавленный шар.

– Получилось! Мать моя женщина, получилось!! – воскликнул Симеон. Остальные бреганцы что-то неразборчиво, но с энтузиазмом кричали, хлопали друг друга по плечам и спинам. Только Иан Кудра не участвовал в общем веселье. В руках у него была голокамера с наскоро примотанным на самодельном кронштейне пирометрическим прибором, ею он фиксировал температуру расплава.

– Да, я до последнего момента не был уверен, что хватит мощности его расплавить, – сказал Базили.

– Это потому что ты пессимист, – усмехнулся, не отрываясь от камеры, Иан.

– Ребята, знаете, а эти зеркала и с собой можно таскать, – задумчиво произнесла Блика. – И выплавлять из породы рудные жилы прямо на месте.

– Вы мне сначала большую печь постройте, – осадил я их тогда.

И вот сейчас, когда новая установка дала первую плавку, решил, что пора. Медлить дальше, шлифовать до зеркального блеска полы и вешать розовые занавесочки на иллюминаторы значило подвергать риску всех, кто оставался на старой базе. Пираты ведь не просто так нагнетают обстановку. Ещё немного, и они найдут слабинку, придумают, как растащить наши силы, и ударят в уязвимое место. Многоопытный Пятёрня, с которым я предварительно обсудил этот вопрос, был того же мнения. Помявшись немного, он сказал:

– Промолчал я тогда, а, выходит, напрасно. С нашими силами защищать все шесть шахт и браться не стоило. Одно дело собирать дань, как делал Буц, другое – оборонять от любых посягательств. Сами рудники не разрушат, нет у них таких боеприпасов, а погрузочные причалы – запросто. Отвлекут корабли и врежут торпедами. Тогда всё оборудование придётся бросить на шахте.

Я собрал в рубке «Амидалы» Кеневица, ГилЗана, четверых бреганцев, Блику, Натуга и сестёр Вао, отвечавших на стройке за жизнеобеспечение. Вопрос я задал всего один: как, по-вашему, можно ли уже сейчас начать передислокацию.

– База ещё не готова... – начал Кеневиц, выдержал мой взгляд и добавил: – Но, думаю, начинать можно.

– Начальник, я тебе так скажу, – поднялся с места коренастый меерианин, – больше людей – скорее закончим.

– Медицина? – я посмотрел на сестёр-твилек. Девушки обменялись взглядами и быстрыми движениями лекк, затем старшая, Алема, которая, в отличие от сестры, имела уже полный диплом врача, ответила:

– Условия проживания удовлетворительные.

– Кислорода и воды хватит, утилизаторы отходов запустим на полную мощность за двое суток, – сказал вечно лохматый Амос Лешко.

– Диспетчерская? – обратился я к Натуга.

– Можем принять весь наличный флот фирмы.

– Слушали – постановили, – подытожил я. – База готова к эксплуатации.

Тридцать шесть часов спустя «Амидала» вышла на досветовую скорость в системе Араг.

– Я один-четыренадцать, диспетчер, прошу на связь, – передал я.

– Один-четыренадцать, вас вижу, семнадцатый ангар, – отозвался незнакомый женский голос.

– Принято. Переключите меня на леди Осоку Тано.

– Говорите.

На прозрачной комбинированной панели блистера возникло улыбающееся лицо Осоки.

– Привет. Ты где?

– Да здесь, на подлёте.

– О? Бегу встречать! Ангар семнадцатый, как обычно?

– Да.

Осока встретила меня на пороге ангара, но поздороваться как следует нам опять возможности не дали. Кроме карантинной докторши, как положено при прибытии корабля, и не менее сияющей Эрдени, Осоку сопровождал неизвестный мне молодой человек. Ну, как молодой? Я и сам пока не старый, а этот юноша был примерно Осокиного возраста, лет двадцать шесть – двадцать восемь. Красавчик, девушкам такие нравятся: высокий, почти с меня ростом, подтянутый, хотя и не мускулистый, правильное лицо со слегка вздёрнутым носом и в меру выступающим подбородком, зачёсанные наверх каштановые волосы и тёмные, в крапинку, зелёные глаза. Одет, на первый взгляд, просто, но щеголевато. Пиджак – или камзол, не уверен, как лучше называть этот предмет галактического гардероба – выполнен из, несомненно, дорогой ткани с искрой, богатая отделка, светлая рубашка, галстук... Шпион, что ли? Старая шутка гласит, что профессионального разведчика можно опознать по костюму с галстуком, который он не снимает даже в постели с дамой. Хотя нет, такую булавку, запонки и бляху, имитирующую поясной ремень, мог бы носить, разве что, местный «Бэмс Джонд» с лицензией на убийства в самой извращённой форме и многомиллионным счётом в банке от Его Императорского Величества. Да и взгляд преувеличенно-открытый, с точно рассчитанной толикой дружелюбия и мудрости. В душу мне сразу закралось нехорошее подозрение.

– Алекс, это мой старинный знакомый, ещё со времён Войны Клонов... – представила парня Осока.

– О, да! – заулыбался голливудской улыбкой во все тридцать два зуба Осокин знакомец. – Встретились мы врагами, но со временем превратились в союзников, а затем неплохо подружились!

Голос у него был глубокий, душевный, прекрасно поставленный. А то, как он чётко и отработанно встряхнул мне руку, окончательно подтвердило подозрения. Профессиональный политик! И Осока почти тут же подтвердила мои предположения, пояснив, что сейчас Знакомец занимает пост вице-губернатора планеты. М-да, не было у бабы печали, баба купила поросё...

Когда мы с ним пили на брудершафт, я припомнить не мог, однако, услышав от Осоки, что я не принц, не из графьёв и не из бизнесментов, а всего-навсего путешественник, Знакомец моментально перешёл на «ты». И тон у него стал... нет, не менее дружелюбным и не высокомерным, так, с нотками лёгкой снисходительности. Словно бы он и Осока проводят чуть ли не встречу на высшем уровне, а я тут путаюсь под ногами, как слон в посудной лавке, нарушая протокол. Оставить нас наедине он не желал категорически. Тактичная Эрдени, поздоровавшись, слиняла под благовидным предлогом, Знакомец предпочёл остаться. Пошёл вместе с нами в «Старый Горняк», вызвав неудовольствие хозяйки, Уолс Пендректон, а её бормотание «ещё этого тут кормить» пропустил мимо ушей, не дрогнув ни одним мускулом лица, будто она имела в виду кого-то ещё, меня, например. На намёк Осоки, что мы давно не виделись, поскольку я вернулся из дальнего полёта, он сочувственно предложил мне отдохнуть с дороги, участливо поинтересовавшись, есть ли мне, где остановиться на базе. От такого уровня наглости я даже растерялся, но быстро взял себя в руки, потому что Знакомец уже расспрашивал о моём корабле. Мысленно прося прощения у Падме, я небрежно отвечал, что корабль так себе, переделка построенной двенадцать лет назад личной яхты одной знатной персоны, всего и плюсов, что экономичный. Знакомец тотчас принялся хвастать своим собственным кораблём, особо подчёркивая, что он не персональный – собственный. То ли этим он пытался показать, какой состоятельный, то ли, наоборот, какой демократичный, казёнными благами не использует, всё за свой счёт. А может, и то, и другое вместе – как говорится, и нашим, и вашим. В тот момент я ещё не насторожился: ну, проявил интерес к кораблю, обычное дело. Но вскоре я начал понимать, что таким же точно образом он интересуется буквально всем на нашей базе. И его шныряющий по сторонам взгляд мне тоже не понравился. Может быть, зря я решил, что он не шпион? Вице-губернатор вполне может сотрудничать с имперской разведкой.

Убедившись, что наедине нас с Осокой он не оставит ни за что, я решил выполнить единственно возможный в данной ситуации манёвр – отход с сохранением боевых порядков, пока не получилось паническое бегство. Тихонько отстал от беседующих на очередную заумную тему Осоки и Знакомца. Проводил их взглядом. Не удержавшись, поинтересовался у дежурного пограничника:

– Тоннос, а почему вот этот так свободно шляется по внутренним секторам? Есть же правила...

– Да он как-то с самого начала везде ходил, – пожал плечами панторанец. – Видишь же, чей гость. Как его остановишь?

– Сержа-ант, – укоризненно протянул я.

– Виноват, – моментально подобрался тот. – Понял. Без сопровождения больше не пущу.

– Давно он здесь отирается?

– Третий день уже.

– Откуда хоть свалился на нашу голову? Неужели Осока привезла?

– Никак нет, сам прилетел.

Занятый своими мыслями, я не сразу обратил внимание, что в коридорах базы стало гораздо более оживлённо, чем раньше. В общем секторе, куда допускались посторонние, суэта – обычное дело. Но во внутреннем? Здесь появились женщины, явно не относящиеся к числу бывшего персонала «Румелии». С визгом носились детишки, временами почти сшибая взрослых. Похоже, процесс вывоза семей сотрудников, оставшихся «по городам и весям», шёл

полным ходом. Медленно идя по лабиринту базы, куда глаза глядят, я перебирал варианты. Пойти к Дэе Р'Валуси, начальнице Карантинной службы, а де-факто – главе контрразведки? Так она, чего доброго, решит, что я просто ревную. А я и ревную, чего лукавить? Эти его вкрадчивые экскурсии их с Осокой в общее прошлое, улыбки, заглядывания ей в глаза... Как тут сохранить спокойствие? И, вполне возможно, на этом фоне все «шпионские страсти» мне просто мерещатся. Ещё раз взвесив «за» и «против», я решил не рассказывать о своих подозрениях. В конце концов, не моё это дело. За «Амидалу»-то я был абсолютно спокоен, на дворях в ангаре не живые часовые, а «Стражники», им без разницы, хоть ангел, хоть дьявол, нет в списке – пошёл на фиг. Подумав так, я остановился, как вкопанный. Как мне сразу не пришло в голову? Если подозрения есть, их нужно проверить! А поручить проверку той, кто лишена человеческой предвзятости и эмоций в целом. Я включил комлинк:

– Бета!

– Слушаю, – мгновенно откликнулась дройдесса.

– Можешь посмотреть по видеонаблюдению, где сейчас Осока?

– Да. Пять секунд, подключусь. Есть. Второй ангар.

– Одна?

– Нет, с ней неидентифицированный мужчина, дать изображение?

– Не надо. Слушай приказ. Неидентифицированного в семнадцатый ангар не пускать ни под каким видом, надо – пусть применяют силу. Это раз.

– Поняла.

– Второе. Установить за ним постоянный видеоконтроль. Цель: определить, не ведёт ли он разведку, и, если да, что его интересует в первую очередь.

– Будет исполнено.

– Я на тебя рассчитываю.

– Использую все доступные средства.

Вот так. А теперь не думать и ждать результата. Ох ты, какая незадача! С этим чёртовым Знакомцем я совершенно забыл, зачем прилетел сюда! Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я поспешил на причаленный к астероиду старый фрегат «Хелси», где находились рабочие кабинеты администрации.

– Госпожа Генеральный Директор беседует по комлинку, – проскрипел дройд-секретарь в приёмной. И тут же добавил: – Обозвала меня железкой и немедленно требует, чтобы Вы входили.

Панторанка, оборвав связь короткой фразой «Вызовите меня позже», в буквальном смысле выскочила из-за стола и бросилась мне навстречу. Остановилась в полушаге:

– Здравствуй, Алекс.

– Здравствуй, Рийо Чучи, госпожа Генеральный Директор.

– Ах, перестань! Рада очень, что ты прилетел, – улыбнулась она, поправляя розовые волосы. – Ну же, садись и рассказывай всё детально подробно.

Выведя на голопроектор кабинета трёхмерную проекцию строящейся базы, я по-деловому и обстоятельно расписал, какая часть готова, какая не совсем, а какая только в процессе строительства. Рийо слушала, положив подбородок на сцеплённые пальцы рук, и лицо её не выражало ровным счётом ничего, кроме сосредоточенности. Совершенно невозможно было определить, довольна она или нет. Нерадивых сотрудников это должно бы изрядно нервировать: обычно такие по мимике и произвольным жестам шефа стараются угадать степень его довольства и на этом основании решают, о чём ещё доложить, а о чём и умолчать. Мой бывший начальник, например, на высоких совещаниях вёл себя именно так. Меня сейчас это не тревожило совершенно, ибо скрывать было нечего.

– Вот таким вот образом, – закончил я. Только тут золотые глаза девушки чуть изменили выражение, и она снова улыбнулась:

- Очень хорошо. Вы обгоняете график даже.
- Рийо поднялась, открыла нишу в стене, налила чая себе и мне, вернулась к столу.
- Когда предполагаешь начать переезд? – спросил я.
- Через десять дней отправим первый транспорт. Значит, у вас он будет на четырнадцатый день.
- Нельзя ли ускорить? Первых людей база готова принять хоть завтра.
- Почему ты так предлагаешь? Что заставляет тебя?
- Обстановка. Не ты ли говорила, что пираты активизируются? Вдруг они нападут в течение этих двух недель?
- А вдруг завтра? Послезавтра?
- Тоже возможно. Но и в этом случае один или два корабля мы отправить успеем. Я компьютерщик, а значит, математик, и привык мыслить категориями вероятностей. Эвакуация в ближайшие трое суток вместо десяти снизит риск нападения больше чем втрое. Я смотрю, тут много семей сотрудников. Забрали всех, кого могли?
- Практически всех. Империя закручивает гайки. На многих планетах жизнь стала совсем тяжёлой.
- Вот и давай, эвакуируем, хотя бы, жён и детей, – предложил я. – И нужны ещё рабочие руки для эксплуатации систем.
- Думаю, ты прав, – кивнула Рийо. – Будем действовать. В принципе, мы уже были готовы сворачиваться, вот сразу завтра и начнём.
- Великолепно! Мы с Падме можем отвезти какое-то количество...
- Нет, – прохладные пальцы легли поверх моей руки. – Твой корабль обладает уникальными характеристиками, не следует сейчас улетать так далеко. *Мало ли*, правильно я запомнила?
- Правильно, – тут улыбнулся уже я.
- В общем, план таков... – и Генеральный Директор изложила мне замысел операции, искусный настолько, что восхитились бы даже поднатревшие во всевозможных хитростях иезуиты. Похоже, администрация даром времени не теряла и предусмотрела всё.
- Ладно, утро вечера мудренее, – сказал я. – Пойду к себе на корабль.
- Будь на связи. До завтра.
- Возвращаясь в семнадцатый ангар, я запоздало пожалел, что не сказал панторанке про Знакомца, хотя бы в самой мягкой форме. Например, что его поведение показалось мне подозрительным. Ну, ничего, за это время Бета, возможно, собрала необходимую информацию, и в случае необходимости можно будет просто вызвать Рийо по комлинку.
- Бета, каковы результаты? – спросил я, входя в рубку.
- Дройдесса сидела в одном из кресел, полупрозрачный кабель, протянутый от нижней части грудной пластины, соединял её с информационным портом «Амидалы». Металлической маски, в боевых условиях защищающей лицо с мимическими механизмами, на ней не было, и я увидел, как Бета очень по-человечески поморщилась, отвечая на вопрос.
- Ты полностью прав в своих предположениях, – сказала она. – Он собирает информацию. Однако, что его интересует больше всего, нам понять пока не удалось. Смотри...
- Она заставила включиться главный голопроектор и, вытянув из себя ещё немного кабеля, чтобы подойти к проекции, стала демонстрировать кадры записей систем видеонаблюдения, комментируя:
- Поверхностно – ведёт себя подобно любопытному подростку, заглядывает во все приоткрытые двери, как бы мимоходом, но. Обрати внимание на мимику. Вот здесь. И вот в этот момент. Явная досада, что мало удалось увидеть. А здесь пытался запомнить код на двери.

– Да, аж шею вытянул, – согласился я. – Ладно, наблюдение продолжать, возможно, что и проявится. А Осока-то, Осока! Носится с ним, как с писаной торбой. Хотя ежу понятно, он её клеит.

– Затрудняюсь предположить, что сказал бы ёж, – Бета сменила кадр, – но многие невербальные сигналы следует расценивать как знаки внимания госпоже Тано.

– Вот-вот, а она словно и не замечает. Или не возражает, – проворчал я. Чем больше фрагментов я смотрел, тем сильнее во мне поднималось глухое раздражение, обида на подругу. В один из моментов я просто не выдержал: – Нет, вы это видели? Какая, к дьяволу, невербалка, он её практически обнял, а она и ухом...

– Ты ревнуешь, Алекс? – спросила Падме.

– Ещё как! Можно подумать, этот прощелыга чем-то лучше меня! – сказал я и добавил в сердцах: – У, с каким бы наслаждением я отвернул ему башку...

– Ревность это зависть, – каким-то деревянным голосом произнесла голограмма. – Зависть рождает гнев. Гнев рождает ненависть. Ненависть – залог страданий и путь на Тёмную Сторону...

С коротким шипением сошлись створки двери рубки. По полу передалась лёгкая вибрация работающих репульсоров.

– Падме, что ты делаешь? – воскликнул я.

– Я не отдам тебя Тёмной стороне, – голос голограммы зазвенел, на лице читалась отчаянная решимость. – Не позволю, чтобы это случилось вновь. Мы улетаем отсюда.

– погоди! Я же просто погорячился!

– Мы улетаем, – повторила Падме. Корабль уже проколол силовую стенку ангара и вырвался в открытый космос. Я кинулся к центральному пульту: может быть, с него удастся аварийно отключить маршевые двигатели, пока дух корабля не успокоится? Но верхнюю ступеньку подиума огораживало переливчатое силовое поле. Сгорая я ударил по нему кулаком, рука отскочила, а я получил довольно чувствительный удар током и затряс головой, прогоняя искры из глаз. Чьи-то уверенные руки подхватили меня и усадили в кресло оператора левого бокового пульта. Когда в голове прояснилось, я увидел, как смазались в линии точки звёзд. Корабль уходил на сверхсветовую скорость.

4

Корабль уходил на сверхсветовую скорость. Я попытался вскочить, но две сильные ладони прижали меня к креслу.

– Остынь, – строго сказала Бета. – Не то успокоительным накачаю.

– Её вон накачай! – возмутился я, кивая на голограмму Падме.

– Для неё, к сожалению, такого средства нет, – теперь на моих плечах покоились локти дройдессы, а предплечья были скрещены у меня под подбородком. Приблизив лицо из мягкого пластика к моему уху, Бета тихо-тихо продолжала: – Успокоить её способен только ты. Только тебя она послушает. А для этого сначала нужно самому взять себя в руки.

– Где ты этого нахваталась, психологиня самодельная? – с некоторым удивлением спросил я.

– Мне четыре тысячи лет, – просто ответила Бета.

– Эй! Хватит меня обсуждать, словно меня тут и нет! – сказала Падме. Она стояла над линзой центрального проектора, с явным вызовом скрестив руки под грудью, и взирала на нас сверху вниз.

– Падмочка, – ласково обратился к ней я, – не могла бы ты снизойти сюда? Эта извергиня даже встать мне не даёт.

– Правильно! Чтобы ты, чего доброго, не расшиб свою дурную голову о силовое поле, – Падме с неохотой, но, всё же, сошла с проектора, будто под ногами у неё были ступени, и остановилась передо мной. Присела на воздух. Долго смотрела на меня пристальным немигающим взглядом. Затем сказала:

– Алекс, ты должен подавить в себе гнев, не дать ему перерасти в ненависть. Тёмная сторона очень сильна, мощь её ужасна. Я-то видела, поверь мне.

– Да, Падме, – ровным голосом ответил я. – Я сделаю всё возможное, чтобы не дать гневу мной овладеть. Обещаю.

Лёгкое движение металлической перчатки, незаметное глазу: Бета считала, что линия поведения – правильная.

– Ты пойми, я ведь переживаю за тебя! – продолжала Падме. – А ты не ценишь!

Я принялся длинно и многословно убеждать её, что, напротив, очень ценю, что для меня было неожиданностью, как обо мне заботятся, оберегают меня, приятной неожиданностью. Постепенно с лица голограммы исчезло страдальческое выражение, разошлись нахмуренные брови, смягчилась линия скул, плотно сжатые прежде губы вновь стали мягкими, готовыми сложиться в улыбку. На миг я восхитился дьявольским талантом Тёмного Лорда, который вложил всё это в систему отображения, мельчайшие оттенки эмоций на лице. Как же досконально он знал эту потрясающую женщину и насколько любил... в своём извращённом стиле. Наконец, настал удобный, на мой взгляд, момент перейти к сути вопроса.

– Послушай, – сказал я. – Я ведь не джедай, я обычный человек. Мой гнев, даже самый сильный, к опасным последствиям привести не мог. Хватать меня и увозить за сотни световых лет – немного чересчур, не находишь? Не лучше ли было просто поговорить, вот как мы сейчас разговариваем?

– Наверное. Но я перепугалась.

– Со страхом тоже надо быть осторожной, Моя Госпожа, – мягко заметила Бета.

– Ну, теперь ты-то не драматизируй, – осадил её я. Не хватало ещё, чтобы Падме обвинила самоё себя в уходе на Тёмную сторону. И продолжал тактично: – Какой это страх? Это потерянности, неверная оценка ситуации, с кем не бывает. Падме, ты как? Успокоилась немного?

– Да, вроде, да.

– Может быть, остановимся?

– Прерывать прыжок – рискованный манёвр, можно во что-нибудь влететь. Стоит ли рисковать?

– Ладно, не будем. Хотя бы скажи, куда ты нас зафутболила?

– Не знаю, – беспечно пожала плечами Падме. – Да не всё ли равно? Ёмкости почти полны, на возвращение нам хватит.

– Всё же, не очень хочется месяц лететь в Магелланово облако, а потом столько же оттуда возвращаться, – полушутя заметил я. Похлопал по металлическому наручу Беты, та послушно разжала руки.

– Откроешь проход к пульта? – попросил я Падме, вставая.

– Да, конечно, – голограмма шевельнула рукой, и силовое поле погасло.

Разобравшись в показаниях навигационной системы, я увидел, что до выхода на досветовую скорость остаётся меньше часа. Прерывать прыжок, действительно, не стоило.

– Что за система Кейтум? – спросил я.

– Это я туда координаты ввела? – рассеянно отозвалась голограмма. – Система как система, ничего примечательного, на четвёртой планете живёт раса аборигенов.

– То есть, гипербуй там имеется?

– Ну, конечно.

– Тогда, дамы, давайте-ка подготовим нарезку наиболее красноречивых кадров касательно Знакомца. И, как выйдем из гипера, сразу связь с Дзэй.

Дзэя Р'Валуси, выслушав мой осторожный доклад, отнеслась к вопросу серьёзно.

– Возьмём мальчика на плотный контроль, – сказала она. – Пока с ним Осока, она не даст ему увидеть что-то важное, и, тем не менее...

– Я бы так на это не рассчитывал, – покачал я головой. – Они давно знакомы, и не исключено, что Осока...

– Что «Осока»? – переспросила Дзэя, так как я, смутившись, не закончил фразу.

– Доверяет ему, – нашёлся я, возблагодарив святых всех пантеонов за то, что разговор идёт по комлинку, и зелтронка не может прочесть мои эмоции.

– Вряд ли она **слишком** ему доверяет, – скептически произнесла Р'Валуси. – В людях она разбирается.

– Надеюсь.

– Не тревожься, мои девочки этим займутся, и операторов видеоконтроля подключу. Сам ты где сейчас?

– В системе Кейтум. Одно неотложное дело образовалось. Скоро вернусь.

– Бывает. Я Рийо так и сказала.

– Спасибо.

– Будь на связи.

Едва изображение начальницы Карантинной службы в центральном фокусе погасло, заговорила голограмма Падме.

– Зачем ты меня покрываешь? – воскликнула она. – Сказал бы прямо: проблемы с кораблём, ведёт себя неадекватно.

– Ну, вот ещё сор из избы выносить, – отмахнулся я. – Что мы, сами не разберёмся?

– Разберёмся, – кивнула голограмма. – Сейчас возвратимся в систему Араг, ты возьмёшь резак и перережешь питание моему мозгу.

– Что? – я не поверил своим ушам. Посмотрел на Падме. Голограмма стояла передо мной, вытянувшись, как струна, карие глаза её блестели.

– Ты предлагаешь мне убить тебя?? – ошеломлённо переспросил я.

– Алекс, я и так мертва, вот уже двенадцать лет. Не хочу создавать проблем ещё и после смерти. Поставьте вместо меня обычный *рехен*...

– О каких проблемах ты говоришь, Падме? – перебил я. – Ты наш друг. А мне... да после всего, что сегодня произошло, ты мне как сестра.

– Сестра! Летучий двухэтажный домик с подвальчиком для перевозки барахла и сильно съехавшим чердаком.

– Да перестань, в самом деле! Почему ты вдруг решила, что у тебя что-то там съехало?

– Полагаешь, то, что я вытворила, это нормально?

– М-м... Не спорю, ты поступила импульсивно. Но такова уж ваша женская натура, что тут поделаешь. Вы чаще действуете под влиянием эмоций, чем разума. Нельзя вас за это винить.

– Я, всё-таки, корабль и не должна была так себя вести.

– Да, на будущее, уж пожалуйста, реагируй, как женщина, а не как корабль. Не знаю, наори на меня или поплачь. Но не устраивай сумасшедших стартов и безумных гиперпрыжков. И что я точно отключу, так это чёртов генератор силовой стенки.

– Сделай одолжение. Питание слева, крышка у самого пола.

– Где? А, вижу. Вот так, – и я, ослабив крепление, расстыковал силовой разъём. – Прилетим – попрошу ребят перевести его на автономное управление.

– Хорошо, – кивнула Падме. – Координаты введены, можем разгоняться.

– Постой-ка! У меня же образовалось неотложное дело, помнишь?

– И какое же, интересно?

– Скоро год, как мы знакомы с Осокой. Хочу ей что-нибудь подарить.

– Не «что-нибудь», а украшение! – оживилась Падме. – Что-то изысканное и неповторимое.

– Я про украшение и думал, – признался я. – Но на изысканное у меня, боюсь, денег не хватит.

– Полно тебе, а кристаллы? Осока говорила, это ты нашёл их на брошенном корабле.

– Разве она не использовала нашу долю? – удивился я.

– Только свою часть. Остальные так и лежат вон там, в сейфе. И я знаю человека, который способен изготовить украшение, достойное Осоки. До падения Республики он был ювелиром набуанского двора.

– До Набу отсюда, вообще-то, не ближний свет, – сказал я, припомнив, что родная планета Падме расположена примерно на таком же расстоянии от центра Галактики, как и Солнце, и сейчас относительно нас находится за галактическим ядром.

– А так далеко и не нужно, – улыбнулась голограмма. – Этот человек родился на Ансионе и после отставки улетел на родину. У него теперь своя мастерская.

– Ансион это... – я потянулся к пульту голопроектора, чтобы вызвать галактическую карту.

– Следующий узел пути Раго, в начале которого мы сейчас находимся.

– Летим! – решительно сказал я, усаживаясь в командирское кресло.

Оттормозившись за пределами атмосферы, «Амидала» спустилась вниз на довольно большом удалении от столицы Ансиона, города Куипернэма. Дальше нас нёс ровный и мощный воздушный поток – один из постоянных планетарных ветров. Корабли галактической цивилизации в атмосфере были довольно медлительными, многие из них обогнал бы и земной авиалайнер. Откровенно «никакая» аэродинамика не давала большинству из них преодолевать звуковой барьер в плотной среде. То есть, включённые дефлекторные щиты позволяли это сделать, например, истребителям, но за это приходилось расплачиваться манёвренностью и тратить огромное количество энергии. Что характерно, старенькие республиканские «актисы» нашего фрегата и «Амидала» прекрасно обходились без подобных извращений, не уступая в скорости у земли «МиГам» и «Сушкам». Такой вот в Империи, с позволения сказать, «технический прогресс». Сейчас торопиться было ни к чему, чай, не война, поэтому скорость я держал

дозвуковую, в районе девятисот. Плато Сорр-ул-Паан, на котором располагался Куипернэм, было гораздо обширнее, чем Десятимильное плато на Орд Мантелле, и гораздо ниже последнего. Оно поднималось из окружающих пологих холмов, поросших степным высокотравьем, и имело отвесную стену лишь с одной стороны. Подлетая, мы пронесли над цепью удивительно красивых озёр, зеленовато-голубых возле берега и тёмно-синих в центре, красноречивое свидетельство очень большой глубины. Падме давала мне последние наставления. По её словам, семейная мастерская и лавка ювелира располагалась на улице Сонгоквин, главной торговой артерии города. Найти её от проезжего тракта было совсем нетрудно, особенно после того, как я увидел снимок города со спутника. Договорились, что Падме высадит меня в паре километров от города, дабы не светиться в порту, а сама полетит искупаться. То есть, спрячется в одном из озёр.

Свежесжатое поле какого-то местного злака чуть в стороне от проезжей дороги прекрасно подошло для посадки. Я выгрузил наружу складной спидербайк, и корабль тотчас исчез из вида, скрытый маскировочной системой. Разложив летающую машину точно так, как делала в Индии Осока, я вскочил в седло и поехал-полетел к городу, держась примерно на четырёхметровой высоте. Дорога не отличалась интенсивным движением. Изредка навстречу мне проползали грузовые колёсные экипажи или репульсорные платформы, ещё реже я обгонял кого-то, едущего попутным курсом. Время от времени надо мной проносились стремительные пассажирские спидеры. Пролетев чуть больше километра, я понял, в чём дело: мы приземлились возле второстепенной трассы, затейливо петляющей между холмами. Шоссе, если его здесь так можно было назвать, проходило иначе. Подобно нашим автомагистралям, его широкое полотно пробивало возвышенности насквозь, а над долинами и оврагами перекидывалось ажурными мостами. Вот по нему и двигался основной поток машин, не умеющих летать. Автопоезда из разного количества сцеплённых между собой обтекаемых платформ неслись со скоростью, превышающей скорость моего байка раза, наверное, в три, то есть, около двухсот. На тягачах были установлены вынесенные вверх и немного в стороны реактивные двигатели, придающие всей сцепке поступательное движение. Энергии такие «фуры» тратили гораздо меньше, чем воздушный транспорт, но больше, чем магнитопоезда, зато не требовали рельсовых путей и могли доставлять груз «до двери». По мере того, как холмы переходили в предгорья, выемка шоссе становилась всё глубже, пока не закончилась слабо освещёнными изнутри жерлами двух тоннелей. Но ещё до подхода к ним центральные полосы шоссе взмыли вверх на эстакаду и ушли в сторону, взбираясь по отлогому склону. Это место я уже узнал по снимку. Вот и Весёлые Ворота – ажурная каменная арка, словно вырезанная неведомыми мастерами из цельного монолита и поднятая над дорогой. Сбавив скорость, чтобы полюбоваться сложным узором и мозаичными вставками, я миновал въезд и остановился в замешательстве. Между двумя домами висел ромбический знак, вполне понятно предупреждающий, что поворачивать налево здесь запрещено. И как быть? Мне именно налево и было надо.

Заметив под деревьями полицейский спидер и скупающего на сиденье тучного блюстителя порядка, я направился к нему.

– На Сонгоквин? – переспросил он, почесавшись. – Да, тут ты не проедешь, не положено. Надо подняться до третьего этажа и повернуть вон там, где сквер, видишь? Хотя, парень, я бы тебе не советовал. По самой улице движения всё равно нет, а на площади стоянка всегда забита. Да и угонщики там шастают. Байк у тебя новый, могут и крылышки приделать. Ты вот тут его оставь, у аптеки, да пройди на своих двоих.

Разменяв в аптеке кредитную десятку, я заплатил автомату за стоянку и пошёл дальше пешком. Местные жители, составлявшие примерно половину из общего количества прохожих на улице, были в целом похожи на людей, но и отличались существенно, поэтому производили странное впечатление. Худые, желтоватые, будто измождённые узкие лица с круглыми красными глазами, веки у которых почему-то закрывались горизонтально, от висков к носу,

единственная ноздря, узкая полоска волос, напоминающая ирокез, трёхпалые руки... Взрослые мужчины щеголяли шевелюрами и бородками в стиле Абрама Линкольна, женщины и подростки отличались отсутствием бород. Народ это, кажется, был довольно жизнерадостный, они предпочитали разговаривать громко, как китайцы, эмоционально жестикулировать, как итальянцы, хохотать во весь голос, как лошади. Аптекарь, разменивая деньги, тоже приветливо мне улыбался, а у меня по коже невольно пробежали мурашки, потому что зубы у ансиониан – *анси*, как кратко назвала их Падме – напоминали волчьи.

Площадь, от которой начиналась улица Сонгоквин, действительно, была забита всевозможными транспортными средствами. Одни заезжали на многочисленные стоянки в центре, другие выезжали с них, включаясь в медленный хоровод, чтобы затем рассосаться по окрестным улицам. Пассажирские спидеры взлетали и садились вертикально, не участвуя в этом кружении. Упорядоченность царящей на стоянках кутерьмы поддерживали несколько служащих в ярко-жёлтых нарукавниках и таких же портупях. Да, здесь бы я место долго искал. Обойдя неправильный многоугольник площади по краю, я, наконец, оказался в начале торговой улицы. Что про неё можно было сказать? Арбат. Но в Ташкенте. Слишком уж большой контраст представляли собой стоящие рядом дома. Большинство строений было построено то ли из камня, то ли из местного бетона и под камень отделано, но одни дома являли собой ухоженные владения со сравнительно чистыми тротуарами, другие были изрядно запущены. К таким со стороны улицы лепились самопальные пристройки из каких-то немыслимых кусков, обрезков и заплат, схваченных на скорую руку – где гермопеной, где скобами, где просто наваренными стяжками. Бывало и так, что от дома оставался полуразрушенный скелет, а осиротевшие пристройки разрастались вглубь него, как плесень, уничтожившая спелый плод и заполонившая его внутренности. От шума, гвалта и зычных голосов «менеджеров»-зазывал начинало ломить в висках. Памятуя случай, когда на рынке Сокорро Осока поймала карманного воришку, я старался не терять бдительности, пару раз отстранился от слишком близко идущих аборигенов, а одного рыжего субъекта моего собственного биологического вида вынужден был оттолкнуть, слишком уж он напирал, протискиваясь мимо. То, что он нисколько не обиделся, укрепило мои подозрения. Вот, наконец, и здание, которое я разыскивал. В нижнем его этаже располагалось несколько магазинов, а на второй этаж вели зигзагообразные лестницы по бокам. Там-то на балконе и красовалась нужная мне вывеска.

В ювелирной лавке-мастерской в нескольких витринах из толстого стеклоподобного материала было разложено множество украшений. Одни из них показались мне изящными и утончёнными, другие аляповатыми, слишком яркими. Может быть, на вкус других видов красивы именно такие? Шевельнулась занавесь, и в торговом зале появился благообразный пожилой человек среднего роста. Ещё когда Падме назвала мне имя ювелира, у меня шевельнулась одна мысль. Сейчас догадка подтвердилась на все сто процентов. У золотых дел мастера были чёрные с сединой курчавые волосы, окаймляющие солидных размеров лысину, крупный нос и выразительные чёрные глаза, словно наполненные многовековой вселенской скорбью. Интересно, почему это не меняется никогда и нигде, даже в Галактике далеко-далеко от Земли?

– Добрый день. Чем могу быть полезен, молодой человек? – произнёс ювелир на базик.

– Добрый день, – ответил я. – Я ищу почтенного Шимеса Глюма.

– Так-таки уж и почтенного? Впрочем, не буду водить вас вокруг да около, Шимес Глюм перед Вами.

– Мне Вас очень рекомендовали как человека, способного изготовить уникальное украшение для благородной дамы.

– О? Интересно, кто же это в Галактике так хорошо помнит старого Глюма?

– Есть такие. Вы ведь были мастером набуанского королевского двора.

Ювелир всплеснул руками и пустился в пространные рассуждения. Да шо там двор, разве там надо было творить по-настоящему уникальные вещи? В основном, ремонт сделанного бес-

талантными ремесленниками для покупателей, имеющих мало вкуса. Королева Амидала, по его словам, хоть и от состоятельных родителей, сама была бедна, как церковная мышь, какие там драгоценности. Только раз или два ему, Глюму, удалось её порадовать. Преемница её Джамилла – та другое дело, но у той и вкуса было ноль, точь-в-точь как у министерских жён. Камень побольше, да оправу потяжелее, а разве же ж в этом красота? А сейчас он вообще почти что отошёл от дел. Не тот уже стал старый Шимес, возраст, знаете ли, всё больше на торговлю налегает, а шобы шо-то самому – так, скорее нет, чем да.

«Ну, сейчас он тебе полностью заполирует мозг, – прозвучал в наушнике насмешливый голос Падме. – Дай, я сама с ним поговорю».

– Думаешь, надо? – усомнился я.

«А ты хочешь и дальше слушать его „четвергов с неделю“? Положи на стол проектор и включи видеоканал».

– Простите? – прервав свою речь, переспросил, тем временем, ювелир, решив, что я обращаюсь к нему.

– Рекомендатель сам изъявил желание с Вами побеседовать, – улыбнулся я. И включил голопроектор.

– Здравствуй, дядя Шимес, – сказала Падме.

– П-простите? – у ювелира внезапно затряслись руки. Он поднял взгляд на меня: – Откуда у Вас эта запись?

– Это не запись, – покачала головой голограмма.

– Плохие шутки, молодой человек! – нахмурился Глюм. – Не знаю, кто Ваша сообщница, и чего Вы добиваетесь, подделывая это видео и голос...

– Сапфиры короны тоже были подделкой? – перебила Падме. – Хочешь, повторю, что сказала, отдавая их тебе перед отлётом на Мустафар? «Если у меня будет дочь...»

При этих словах старик как-то сразу обмяк, сгорбился, глаза его стали влажными:

– Деточка, но как же? Мы ведь тебя...

– ...похоронили, да, – закончила за него голограмма. – И теперь я существую вот в таком виде. Может быть даже, это уже не совсем я. Впрочем, неважно. Мы прилетели к тебе за помощью, дядя Шимес. Помнишь девочку-тогруту, ученицу моего мужа?

– Как не помнить. Пару лет назад встречал её. Наёмница Хонс, такой кличкой зовут её теперь.

– О, она такая же наёмница, как ты – отошедший от дел пенсионер. Поверь, мы достаточно много общались за последние полгода. С ней всё в порядке. И украшение – подарок для неё. Пожалуй, пусть это будет кольцо.

– Кольцо? – переспросил я по-русски в надежде, что неправильно понял.

– Кольцо-кольцо, – подтвердила Падме. – А то ты так и будешь сомневаться *до морковкиного заговения*... хоть я и не знаю, что это такое. Дядя Шимес, сапфиры всё ещё у тебя?

– О, разумеется! – воскликнул ювелир. – Нам лучше пройти в мастерскую,

Мастерская располагалась с другой стороны дома и смотрела на улицу огромным, во всю стену, окном, через него комнату заливал белый свет местного солнца. Глюм прикоснулся ладонью к замку одного из трёх огромных сейфов, вделанных в боковую стену. Раздался короткий писк. Ювелир заглянул в датчик, демонстрируя автомате радужку глаза. Снова писк. Глюм набрал код на панели, привычно загоразивая её спиной, и, наконец, повернул в замочных скважинах пару ключей.

– Вот они, деточка, – старик поставил на стол небольшой ларчик. – Камни, подаренные тебе правящим домом Мириала.

В ларце на чёрном бархате лежали восемь крупных необработанных камней различной формы и оттенка.

– Каждый символизирует один год моего правления как королевы, – сказала Падме. – Правда, я так и не решила, какой из них какой.

– И всё это сапфиры? – удивился я. – Я думал, они только синие бывают.

– В минералогическом смысле, да, – подтвердил Глюм. – Но мы, ювелиры, трактуем этот термин чуточку шире.

– Дядя Шимес, можно ли отсечь вот от этого камня часть и огранить её? – спросила между тем Падме.

– Безусловно. Правда, камень так и останется непрозрачным, таков его сорт. Чистой воды можно получить, распилив вот этот, крайний.

– А розу? Розу из него можно вырезать? – поинтересовался я.

– Э-э... видите ли, что я Вам скажу. Иторианская роза несколько не подходит...

– Алекс не знает, что такое иторианские розы, – поправила Падме. – Думаю, имеется в виду легендарная Синяя роза Истины.

– То есть, корусантская колючая небывалого синего оттенка. Понимаю. Да, это возможно, и лучше тогда взять непрозрачный камень. Но, деточка, ты уверена?

– Абсолютно. Один из тех лет это и её год тоже. Пусть камень будет моим вкладом... – голограмма лукаво посмотрела на меня снизу вверх, – как соплеменницы дарителя.

– Ой, так вы однопланетники?? – воскликнул ювелир. – А по акценту Вы, юноша, больше похожи на бреганца.

– Разве этнически это не одно и то же? – пожала плечами Падме.

– А, ну, по большому-то счёту да.

– За остальной материал и работу могу расплатиться этим, – я выложил на стол контейнер с мигитскими кристаллами. Глаза Глюма алчно блеснули, но лишь на миг.

– Здесь слишком много, – произнёс он. Наклонился поближе, вынес вердикт: – Шестой части этого будет достаточно и за материал, и за работу.

– Остальное я могу продать Вам за наличные? – поинтересовался я.

– Разумеется, юноша! Нужно взвесить, но, полагаю, это будет примерно... пять тысяч четыреста кредитов. Плюс Ваш заказ. Вы у нас надолго?

Я отрицательно покачал головой:

– Специально к Вам, почтенный.

– Дайте мне два стандартных часа, и всё будет готово. Можете не верить, но я почти знаю, как обыграть эту розу!

– Мы не сомневаемся, – сказала Падме.

– Какой должен быть размер кольца?

– Ох, а вот размера-то... – начал я. Падме перебила:

– Как у меня. Однажды я уговорила её примерить мой перстень с гунганским жемчугом, он отлично подошёл.

– Превосходно. Так встретимся через два часа. Вы, молодой человек, впервые на Ансионе?

– Да, – ответил я.

– В таком случае, горячо рекомендую посетить Набережную Ветров. Фантастически красивое место. И, на минуточку, если захотите поесть, то это там, – старый ювелир ненадолго замолчал, что-то прикидывая, затем перечислил целых четыре недорогих заведения. В одном из них, по его словам, повар готовил потрясающее тушёное мясо, в другом делали отменные свежие соки, а официанткой работала очень милая девочка Нола.

– Благодарю за советы, – я постарался не слишком неуклюже обозначить вежливый полупоклон. – До встречи.

Набережная Ветров, как нетрудно догадаться, находилась на той самой отвесной стене, где кончалось плато. Она открывалась как-то внезапно. Идёшь-идёшь по улице и вдруг обна-

руживаешь, что дома кончились, перед тобой три редких ряда ярко-зелёных деревьев с серебряным отливом листвы, похожих на пирамидальные тополя Земли, а за ними начинается небо. Конечно, «тополя» росли не на самом обрыве, газон за ними обрывался бордюром, а дальше шла мостовая. Или это выровненный скальный монолит, из которого складывается всё плоского-рье? И вот он, обрыв, ограждённый широкой каменной балюстрадой. Зрелище, открывшееся моим глазам, мало было назвать грандиозным. Далеко-далеко внизу, настолько далеко, что даже не было страшно смотреть туда, расстилалось зелёное покрывало травянистой равнины вроде той, над которой я летел к городу, а у самых ног лениво проплывали обрывки облаков. Ветер, дующий вдоль набережной, увлекал их, словно пену на гребнях невидимых воздушных волн, на запад, куда опускалось сейчас и местное светило. Где-то совсем вдали, у горизонта, виднелись несколько небольших населённых пунктов, окружённых более яркими возделанными полями и тёмными пунктирными строчками садов. Восхищённый этой картиной, я не сразу обратил внимание на тихие мелодичные звуки, доносящиеся, кажется, со всех сторон. Это ветры заставляли звенеть ажурные резные столбики, что поддерживали тяжёлый каменный брус балюстрады. Вот почему все они имели разную форму! Через равные промежутки вдоль набережной стояли не то столбы, не то тонкие башенки с таким же сложным плетением металлических кружев на изогнутых боках, и в них тоже тихо пел ветер. Сильнее всего звенели наверху столбов, расположенные выше полупрозрачных дисков, не иначе, светильников.

На набережной было довольно много людей и других существ, но голоса их не перекрывали тихой мелодии. Гуляющие, даже местные, если и разговаривали, то шёпотом, большинство же прогуливалось в полном молчании. Шумные компании, выходящие из городских улиц, временами нарушали гармонию, совсем ненадолго, потому что, **услышав**, все они как-то враз замолкали. Я остановился у одного из столбов-башенок, пение которого наиболее подходило моему настроению, опёрся на балюстраду и стал смотреть на облака. Невольно подумалось, как было бы хорошо прийти сюда вместе с Осокой. Услышать песни ветров, увидеть, нет, не закат, который наступит вскоре, а рассвет. Чтобы над нами постепенно светлело небо, гасли, растворяясь, огоньки звёзд, а всё вокруг медленно обретало яркость красок. А ещё обязательно дать послушать эту удивительную музыку Эрдени. С её талантом к импровизации она обязательно найдёт здесь не одну красивую тему.

«*Ты хотел пить*», – напомнила Падме.

– Да-да, спасибо, душенька, – рассеянно отозвался я. В самом деле, стоило посетить одну из точек, что называл Глюм. Ну, например, ту, где большой выбор соков... и красивая девочка Нола. Теперь-то я понимал: Шимес Глюм зря советовать не станет.

Искомый кэф я обнаружил почти сразу. Его вывеска была оплетена стеблями растения, отдалённо напоминающего земной виноград, с гроздьями крупных ягод: верхние почти чёрные, а чем ниже, тем светлее. Это мне было понятно. Растений, плоды которых созревают не одновременно, множество и на Земле. И, только подойдя вплотную, я понял, что ветви, листья и ягоды – ненастоящие, а всего лишь искусно выполненный декор вывески. Внутри зал был неплохо освещён. Лучи местного светила проникали сквозь ячейки прозрачной крыши, падая на стойку, столики и выстланный цветной плиткой пол. Посетителей в кэфе было немного. У входа мужчина в мундире то ли поздно обедал, то ли рано ужинал, у стены наслаждались натуральными продуктами влюблённые аборигены, парень и девушка. Официантка-твилека – видимо, та самая Нола – ввиду отсутствия заказов сидела на высоком стуле у стойки и читала какую-то пухлую потрёпанную книгу. Печатную книгу, какие здесь встречались нечасто. Что ж, Глюм не обманул, девушка производила впечатление. Изящная, но не слишком худенькая фигурка, бирюзовая кожа и точёный, словно древнегреческая камея, профиль лица. Ремешки на головном уборе, руках выше локтя и сандалиях усиливали сходство с античной красавицей. Двери с колокольчиком в кэфе отсутствовали, просто ничем

не закрытый проём. Тем не менее, стоило мне перешагнуть порог, официантка подняла голову. И посмотрела на меня ясными глазами цвета осени.

Я буквально остолбенел, настолько очевидным было сходство с той, на портрете. Да, другая форма подбородка, иные губы, но всё остальное...

– Падме, – прошептал я, – мне не мерещится?

«Нет, о, нет, – долетел ответ. – Я тоже поражена».

– Добро пожаловать, – сказала, тем временем, твилека, приблизившись ко мне походкой балерины. – Присаживайтесь. Какой столик предпочитаете?

Я предпочёл у стойки, тот, ближе всего к которому лежала старая книга. Нола вручила мне полупрозрачную голографическую пластину меню и отошла, чтобы не мешать. С такими устройствами я уже сталкивался не раз и знал, как «перелистываются страницы». А вот для того, чтобы разобраться в обильном списке напитков, потребовалась помощь Падме. Я скользил пальцем по списку, а она через наушник подсказывала, что есть что. Соки тут почему-то шли вперемешку с коктейлями, не всегда безалкогольными, их, намереваясь лететь на спидербайке, я пропускал, хотя до сих пор не знал, какие тут законы относительно «за руль выпимши». Во всяком случае, водительских прав тут, кажется, никто ни у кого не спрашивал. Выбрав два наименования, я собирался окликнуть Нолу, однако, даже рта раскрыть не успел: девушка моментально перехватила мой взгляд и соскочила с барного стула.

– Кушать что-нибудь будете? – уточнила она, услышав столь скромный заказ.

– А что бы Вы мне посоветовали? Ваше заведение рекомендовал мне почтенный Шимес Глюм, но он, к сожалению, упомянул лишь о ваших исключительных соках.

– О, так Вы знакомый мастера Глюма?! – улыбка твилеки стала куда менее дежурной. – С ним дружит наш владелец, мистер Хоппло. Позвольте, я Вам помогу.

Она наклонилась ко мне, опершись одной рукой о стол, а другой стала прокручивать меню.

«Опасайся феромонов», – предупредила Падме.

Я сомневался, что ко мне применят убийственные химические чары по такому пустяковому поводу, как раскрутить на заказ: внешности Нола хватало, в прямом смысле слова, за глаза. Впрочем, очаровательные девушки нередко бывают весьма коварны, и я незаметно постарался дышать через рот, в обход, так сказать, основных рецепторов.

– Ну, довольно, довольно, – сказал я, когда Нола стала предлагать мне пятое блюдо. – Не настолько я голоден.

– Порции совсем небольшие, поэтому такие смешные цены, – объяснила Нола. – Хозяин считает, лучше предложить несколько разных блюд, чем полную тарелку чего-то одного, так выше удовольствие. Пейте сок, всё будет готово через четыре минуты.

И вновь уселась на стул. Что же она такое увлекательное читает? Старинный роман? Я попытался разобрать название на обложке... и снова на мгновение потерял дар речи. «Теория гиперволн».

– Вы студентка? – спросил я.

– О, если бы! К несчастью, на Ансионе не учат инженеров. Приходится заниматься самостоятельно.

– А в университет на другой планете не пробовали поступить? Скажем, ну, не знаю, на Шили, Бреге, Паквалисе?

– Слишком дорого лететь, – вздохнула Нола. – У меня просто нет таких денег. Думала наняться на какой-нибудь корабль – не берут. Говорят, слишком мало знаю.

«Что мнёшься? – насмешливо произнесла в наушнике Падме. – Страсть как хочется ей помочь?»

Я слегка кивнул.

«Так в чём дело?»

Прикрыв рот ладонью левой руки, на рукаве которой, собственно говоря, крепился ком-
линг, я прошептал:

– Представь, как это будет выглядеть: я возвращаюсь на базу с другой девушкой...

«М-да, это я как-то не подумала».

Нола подала заказанные блюда и стакан чистой воды с Кармелы, чтобы не размазывать
вкус, как она выразилась. Постепенно кэф наполнялся посетителями, и из служебных помеще-
ний появился мистер Хоппло – *готал*, отдалённо напоминающий козла из сказок о животных:
гуманоидное тело, рога, лохматая шевелюра, переходящая в окладистую бороду, а лицо я бы
сравнил, скорее, с шимпанзе, чем с козлиной мордой. Нола, перегнувшись через стойку, что-
то сказала ему, покосившись на меня. Хоппло тут же расплылся в улыбке, кивнул мне и велел
официантке поставить на мой столик вазу со сладостями. В общем, ничто не предвещало беды.
Казалось бы, это должно было меня насторожить, как говорят японцы «*Осинь хоросо – тозе
прохо*», а вот не насторожило. До того самого момента, когда Нола, проходя мимо, мягко задела
бедром моё плечо.

– Ах, простите! – воскликнула она. И быстро показала своими потрясающими золоти-
сто-карими глазами в дальний угол кэфа, где мерцали какие-то символы.

«*Туалеты*», – пояснила Падме.

Я решил узнать, что от меня хочет твилека, выждал минуту, поднялся и направился к туа-
летным комнатам. Вскоре прибежала Нола. Лицо её было встревоженным.

– Мистер, Вам угрожает серьёзная опасность, – зашептала она. – На улице перед нашим
кэфом отирается *ит'мук*. Вернее, сейчас их уже двое. Боюсь, за Вами следили от самого дома
Глюма. У Вас ведь с собой, наверное, большая сумма?

– С собой – нет. Почти все деньги я оставил у ювелира, – честно ответил я.

– Всё равно, они хотят Вас грабить!

«*Пусть грабят*, – произнесла в наушнике Падме, – *Я подскажу, как идти, чтобы всё
время оставаться на открытом месте. И поддержу с воздуха. Мы их в мостовую закатаем*».

Я улыбнулся. Нолу это встревожило ещё больше.

– Их четверо или пятеро, – предупредила она. – Вашего пулевика они не побоятся.

– У них-то оружие может быть, как думаете? – спросил я.

– Бластеры вряд ли. За вооружённый грабёж полагается пожизненная каторга. А про
местные рудники рассказывают такие ужасы!

– Тогда разберёмся. Не волнуйтесь.

Проверив пистолет, я вернулся за столик, спокойно доел и, как ни в чём не бывало, подо-
звав Нолу, рассчитался. Вышел на улицу.

«*Налево*, – распорядилась Падме. – *Так, две уличные крысы идут за тобой. Здесь снова
налево...*»

Так она и вела меня по тихим переулкам «частного сектора», где почти не было прохо-
жих. Субчики топали метрах в двадцати сзади. Потом один из них воспользовался комлинком.

– Засада организована? – спросил я, делая вид, что потираю подбородок.

«*Полагаю, да. Точно, вижу ещё троих, движутся наперехват. Остановились. Тупик впе-
реди видишь? Они за углом справа*».

Переулок передо мной обрывался, упираясь в перпендикулярную улочку, то есть, тупи-
ком в прямом смысле слова не являлся. Я начал замедлять шаг, забирая ближе к заборам
по левую руку, и метров за десять до перекрёстка остановился совсем. Что ж, местные гопники
принципиально не отличались от московских. Дождаться, когда я продолжу путь, терпелу
у них не хватило. Троица впереди вышла из-за угла. Двое грабителей были местного вида, тре-
тий – человек, если этого поганца вообще можно было так назвать, довольно молодой, чуть ли
не подросток. У всех как-то неуловимо похожая потёртая одежда, поношенная, разбитая обувь,
нечесанные волосы.

– Заблудился, дядя? – издевательским тоном начал «человекообразный». Так, если главарь он, машинально отметил я, значит, и остальные не сильно старше. «Детишки», мать их.

– Можем показать дорогу, – скрипуче добавил один из анси. – Не за бесплатно, разумеется.

«Я готова, – холодным голосом сообщила Падме. И велела: – *Спровоцируй их*».

Как скажешь. Обхватывая рукоятку пистолета, я осведомился с усмешкой:

– По пуле между глаз каждому – хватит?

Усмешка, должно быть, вышла больше похожей на гримасу, ибо нервничал я изрядно.

«Внимание, сзади!» – предупредила Падме. Голос её по-прежнему звучал абсолютно ровно, вселяя уверенность. Сзади приближались ещё двое – опять местный анси и с ним морщинистый виквай. У последнего в руке был «тупой твёрдый предмет» в виде гофрированной пластиковой трубы, на срезе которой блестел металл. На арматурину натянули гофру? Кулибины недоделанные. Эта парочка была уже в опасной близости. Захват едва слышно щёлкнул, освобождая оружие. Предохранитель на мореллийском пистолете располагается очень удобно, точно под большой палец. Целиться времени не было. Я просто выстрелил «с бедра» в поднимающего дубинку виквай. И оба раза попал, с четырёх-то шагов.

То, что пуля из обычного земного пистолета отбрасывает противника на несколько метров – дурацкие выдумки киношников. Две куда более мощные «маслины» калибра двенадцать миллиметров всего лишь опрокинули виквай навзничь. Анси сделал ещё шаг и остановился, как вкопанный. На его странном лице застыло испуганное выражение, круглые глазки, как приклеенные, смотрели в чёрную дырку ствола. Трое остальных среагировали иначе.

– Он завалил Хука!! – завизжал главарь. – Мочи его!!!

И все трое бросились на меня, выдёргивая из-под нестиранных курток виброножи. Обострившимся слухом я отчётливо расслышал зудение включённых лезвий. Я успел ещё заметить, что главарь сам как бы ненароком замешкался, пропуская вперёд местных. И в этот миг мостовая перед ними дважды вспыхнула оранжевым пламенем. А когда через секунду огонь погас, между мной и грабителями остались овальные пятна камня, который **расплескался**, как вода, да так и застыл брызгами и потёками. От пятен шла волна жара, её ощущал даже я, хотя находился заметно дальше. Взыл один из местных, ему опалило лицо. Оставшиеся невредимыми грабители растерялись окончательно. Ситуация из простой и привычной для них становилась непонятной и оттого жуткой. Первый анси попятился, споткнулся о тело своего напарника-виквай и с размаху сел на мостовую. Виквай, будто его только что включили, заворочался и с надсадным кашлем принялся драть на груди куртку. Бронежилет, что ли?? А ребята здорово подготовились. Только вот не ожидали, что и я могу подготовиться к нападению. Мне стало почти смешно.

– По-моему, это из носовой, – задумчиво сказал я. – А ещё есть крыльевая, она испарит мостовую на метр вглубь. Вместе с вашими останками.

Грабители попятились. Упавший анси, наконец, перебрался через приятеля и «крабом», не в силах повернуться спиной к пистолету, отползал подальше. И тут третий выстрел спарки, на этот раз одиночный, ударил в мостовую прямо перед главарём. В наступившей тишине было слышно, как он судорожно икнул. Развернулся и задал стрелкача. Его примеру последовали все трое местных, двое за ним, третий в ту сторону, откуда пришёл я. Виквай, наконец, вытащив из-под куртки толстенную керамическую пластину, треснувшую наискось от попадания моих пуль, отшвырнул её прочь, обогнул меня по дуге и припустил вслед за главарём.

Звук приближающегося спидера заставил меня вновь вскинуть оружие.

«Нет!» – воскликнула Падме.

– Это я, я!! – Нола, чуть не вываливаясь через борт, махала руками, словно мельница крыльями. Кроме неё и водителя-анси, в машине сидел крупный мужчина с внушительного размера короткоствольным ружьём. Оба были одеты в подобие униформы – одинаковые

рубашки и жилеты, на кармашке выложено золотым шнуром сложное плетение. Я сунул пистолет в захват.

– Вы не пострадали, уважаемый? – спросил амбал с ружьём.

– Нет, всё в порядке.

– А грабители? – встряла Нола.

– Ушли, – я пожал плечами.

– Да, ещё бы, – хмыкнул мужчина, увидев следы на мостовой. – Могли и **остаться**, будь стрелок на корабле чуток похуже. Стрелял настоящий виртуоз. Кто Ваш пилот, мистер? Дурос? Салластан?

– Набу, – улыбнулся я.

Шимес Глюм поджидал нас возле своей мастерской.

– Эх, молодёжь, молодёжь, – вздохнул он. – Неужели трудно было позвонить мне и дожждаться охраны Ремесленной Гильдии? Вы посмотрите, какие молодцы! Разве они кого дадут в обиду?

При этих словах амбал и водитель слегка смутились. А ювелир продолжал:

– А вы устроили боевичок со стрельбой из корабельной артиллерии, мэрию в расходы ввели... Нет, решительно, вас нельзя оставлять без присмотра! Ну, пойдёмте же внутрь. Нола, ты тоже идёшь.

– Почтенный, Вы знали, что... – тихо спросил я, указав глазами через плечо, на идущую следом твилеку.

– Ни сном ни духом, а Вы о чём? Ну, конечно, я знал, из какой семьи девочка, я ведь и отца её покойного знал, а уж тётушку... Высокой элегантности была женщина, я Вам доложу. Впрочем, не будем о грустном, давайте лучше смотреть заказ.

Глюм отпер очередной сейф и выложил на стойку кольцо, наполовину погруженное в кубик прозрачного геля. Оно было великолепно! Простой ободок белого металла поддерживал золотую чашечку, в которой и была заключена сапфировая роза. Цвет её я бы назвал «молочно-синим». Старый мастер был прав: на прозрачном камне подобная огранка могла теряться, здесь же была отчётливо видна каждая грань, каждый каменный лепесток. Чашечку окружали два золотых листика в форме сердечек, и на одном из них, словно случайно упавшая капелька дождя, сверкал крохотный бриллиант.

– Какая прелесть! – в восторге заломила руки Нола.

«Мне тоже очень нравится, скажи ему», – поддержала и Падме.

– Устроит такой дизайн? – лукаво улыбнулся Глюм.

– Великолепно! – совершенно искренне ответил я. – Больше, чем я ожидал.

– Ради иного заказа можно и нужно постараться особо, – сказал ювелир. – Давненько мне не приходилось делать по-настоящему хорошую вещь для хороших людей.

– Кое-кому тоже очень понравилось, – добавил я.

– А вы не хотите... Пока нет? Что ж, Вам виднее. Да, вот, извольте, разница за Ваши кристаллы в имперских кредитах.

– Кому? Кому понравилось? – спросила Нола, которая, конечно же, не могла понять наших намёков.

– Кое-кому, – не стал я раскрывать карты. – Кстати, насчёт учёбы... Постараюсь тебе помочь.

– Вы... – увидев, что я погрозил пальцем, Нола поправилась, – ты серьёзно это?

– Вполне. В какой университет хочешь поступать?

– Конкретно я пока не думала. На Брег было бы здорово, его хвалят, и там учатся любые разумные виды без проблем.

– На Бреге экзамены нескоро, сейчас там осенний семестр.

– Что ж, будучи пока учить, готовиться, – вздохнула Нола.

– Не расстраивайся, – утешил я. – Вернусь на базу, поинтересуюсь, все ли экипажи у нас в комплекте. Может, и устроим тебя техником.

– Не обязательно летать, я могу и на базе, помощником диспетчера, кем угодно, – торопливо сказала девушка, глаза её выражали щенячью преданность. – Эноо, только не в кантину, конечно.

«В данной локации герою встретится персонаж, готовый работать за икспу», – не без ехидства заметила Падме, пародируя описания к земным компьютерным играм.

– Карету подавай, остроусловица набуанская, – буркнул я по-русски.

«Всё бы тебе на мне ездить», – в наушнике прозвучал притворно-горький вздох. – *Куда подавать-то, барин? На крышу, что ль?»*

– Почтенный, от Вас можно подняться на крышу дома? – спросил я ювелира.

– Можно. Однако, мой Вам совет подождать, пока стемнеет, – моментально сообразил Глюм. – Иначе заметит полиция, придёт ко мне, будет ругаться. Мне оно надо?

Я вспомнил толстяка-гаишника возле аптеки, представил, как он лениво читает нотацию за нарушение правил посадки воздушно-космических судов, и рассмеялся. Стоп, аптека!

– Кстати, Нола, ты спидербайк водишь? – я достал из кармана брелок.

– Лёгкий только.

– Тогда, вот, забери потом со стоянки на въезде, возле аптеки «Трилистник». Можешь пользоваться до отлёта.

– Ой, спасибо!

Глюм пригласил нас отужинать вместе с ним. Ужин ему, по всей видимости, привозили из кантины или даже ресторана: прекрасно приготовленная тушёная птица с гарниром из популярных в Галактике белых спагетти была явно делом рук профессионального повара. Пока мы наслаждались нежным мясом, небо за окном потемнело, на нём зажглись первые звёзды, но потом вечный ветер Ансиона притащил откуда-то целое поле облаков, полностью затянувшее небосвод.

– Думаю, пора и честь знать, – произнёс я, поднимаясь. – На базе у нас уже утро. Бурная выдалась ночь. Так, Нола, слушай меня внимательно. Вероятно, через трое суток я за тобой заеду. Не получится – пришлю какой-нибудь попутный корабль, но это уже как оказия подвернётся. Хорошо?

– Да, хорошо.

– Как тебе сообщить, чтобы собирала вещи?

– Сбрось *месса* на адрес кэфа мистера Хоппло, просто «Нола» и звёздную дату. Вот, – она вынула из кармашка на униформе прозрачный листочек визитки.

– Договорились.

На крышу мы поднялись по самой обыкновенной пожарной лестнице из тронутых ржавчиной прутьев, какие в изобилии встречаются и на Земле. Здесь было темновато, Шимес Глюм подсвечивал путь небольшим фонарём, дающим не луч, а рассеянное освещение. Увидев вынырнувшую из облаков «Амидалу», и ювелир, и Нола в изумлении на неё уставились.

– Это, что, новый имперский курьер? – пролепетала твилека, отодвигаясь от меня. – Ты служишь в Канцелярии??

– Успокойся, деточка, – Глюм взял её за плечи. – Ни в Канцелярии, ни в Инквизиции юноша не служит. Такие доказательства, что мне привели, подделать не смог бы никто.

– Пусть сам скажет! – потребовала Нола.

– Скажу, – кивнул я. – Я никогда в жизни не служил Империи. Более того, обещаю познакомить тебя с настоящей джедаикой. Когда помирюсь с ней.

– Вы поссо-орились, – понимающе протянула девушка, покосившись на коробочку с украшением в моей руке. Страх в её глазах исчез, будто и не было, лицо озарилось улыбкой.

– А корабль... Это чудесный корабль. Поймёшь, когда узнаешь её получше, – последняя фраза получилась двусмысленной. На базик, как и на английском, любой корабль принято называть «she», «она», и Нола, конечно же, не поняла, что имеется в виду в данном конкретном случае.

– Только не обмани, – строго сказала Нола. – Я тебе поверила, смотри!

– Оправдаю, – заверил я и шагнул к услужливо подставленному трапу. – До скорой встречи, Нола Секура.

– Ловелас, – сказала Падме, возникая передо мной в виде голограммы в полный рост.

– Да что вы все, сговорились, что ли? Одна дамским угодником обзывала, другая ловеласом...

– Да-да-да, вскружил бедному ребёнку голову. Видел бы ты выражение её лица, когда мы улетали. Бегом в рубку, скромник! Нас база вызывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.